

Брачные узы

Автор:

[Тесса Дэр](#)

Брачные узы

Тесса Дэр

Очарование (АСТ)

Несколько лет Мэдлин Грейсчерч удавалось избегать замужества благодаря письмам к выдуманному ею жениху – герою Наполеоновских войн капитану Маккензи. Но наконец цель Мэдлин была достигнута – ее оставили в покое, она получила изрядное наследство и замок в Шотландии... Самое время «убить» бравого капитана на поле битвы и посвятить жизнь любимой живописи.

Каково же было изумление Мэдлин, когда на пороге ее нового дома вдруг появился целый, невредимый и вполне реальный капитан Логан Маккензи, более чем заинтересованный неизвестно откуда взявшейся «любящей невестой», чьи письма он читал все эти годы, и имеющий к ней немало вопросов. И постепенно девушка понимает, что любовь, которую она придумала, завладевает ею в действительности...

Тесса Дэр

Брачные узы

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Tessa Dare

WHEN A SCOT TIES THE KNOT

Перевод с английского Я. Е. Царьковой

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Axelrod Agency и Andrew Nurnberg.

© Eve Ortega, 2015

© Перевод. Я.Е. Царькова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Пролог

«21 сентября 1808 года

Дорогой капитан Логан Маккензи,

Пишу вам это нелепое письмо и утешаюсь только тем, что вы, мой дорогой, лишь плод моего воображения, а раз вы не существуете, то и прочесть этот бред будет некому.

Но я забегаю вперед. Вначале мне следует представиться.

Меня зовут Мэдлин Элоиза Грейсчерч, и глупее меня вряд ли сыщется девица во всей Англии. Боюсь, я повергну вас в ужас, но вы по уши влюбились в меня, когда наши пути так и не пересеклись в Брайтоне.

А теперь мы помолвлены».

Мэдди уже и припомнить не могла, когда впервые взяла в руки карандаш. Казалось, она родилась с ним в руках и с тех пор не расставалась. Если точнее, одним карандашом дело не ограничивалось: обычно Мэдди держала при себе два или три: рассовывала по карманам фартука и втыкала в узел волос вместе со шпильками, когда ей нужно было держать руки свободными для того, чтобы влезть на дерево или перелезть через забор.

Грифель она расходовала экономно, так что от карандаша не оставалось и огрызка. Мэдди рисовала певчих птиц, вместо того чтобы учить уроки; она рисовала церковных мышей, когда должна была молиться. Когда Мэдди удавалось вырваться из дома, все живое вокруг просилось на бумагу: от стебелька клевера с пушистой головкой, гордо торчащей между пальцами босых ног, до облаков, деловито плывущих куда-то высоко в небе.

Мэдди нравилось рисовать, и не было ничего, что бы ей рисовать не нравилось. Ну ладно, почти ничего.

И Мэдди очень и очень не нравилось привлекать к себе внимание.

Такой уж она была, и неминуемо приближающийся выход в свет у шестнадцатилетней Мэдди вызывал примерно те же эмоции, что и предписанная доктором касторка или рвотная соль.

Много лет прожив вдовцом, отец ее решил обзавестись новой женой, которая была всего на восемь лет старше самой Мэдди. Анна, молодая жена отца, была женщиной яркой и бойкой. Природа в избытке наградила ее всеми теми качествами, которых никогда не было у Мэдди. Сразу надо оговориться, что Мэдди больше чем устроила бы роль Золушки, роль одетой в тряпье замарашки, которую злая мачеха запирает в башне, пока все прочие домочадцы веселятся на балу. Но Мэдди, по несчастью, досталась мачеха совсем иного сорта, из тех, что с радостью нарядит падчерицу в шелка, отправит на бал и толкнет в

объятия ничего не подозревающего принца. Фигурально выражаясь, разумеется. На принца Мэдди не приходилось рассчитывать. В лучшем случае ей повезет стать женой третьего сына какого-нибудь графа, которому одна дорога – в пастыри, или женой нищего баронета.

А в худшем...

Сказать, что Мэдди неважно чувствовала себя в толпе, будь то рыночная площадь, партер театра или бальный зал, – значит ничего не сказать. В толпе Мэдди теряла способность думать, говорить, двигаться и даже, отчасти дышать. Должно быть, со стороны это выглядело донельзя глупо, но справиться с собой Мэдди была не в силах. При одной мысли о лондонском сезоне ее бросало в дрожь. И потому, вместо того чтобы наслаждаться обществом себе подобных, Мэдди бо́льшую часть сезона провела в обществе ракушек. Собирала их на пляже, делала зарисовки в альбоме, стараясь сосредоточиться на этом занятии так, чтобы в голову не лезли мысли о праздниках, балах и джентльменах.

По возвращении домой Анна встретила ее прямым вопросом:

– Итак, ты готова встретить своего единственного?

И вот тогда Мэдди запаниковала. И солгала. Экспромтом. На пустом месте Мэдди сочинила историю, которая определила всю ее дальнейшую жизнь.

– Я уже его встретила.

Мэдди не могла втайне не позлорадствовать, увидев, как полезли на лоб глаза мачехи. Впрочем, уже в следующую минуту Мэдди осознала, какую совершила глупость. Следовало бы догадаться, что ее ошеломляющее заявление не закроет вопрос, как ей бы того хотелось, а вызовет множество новых, на которые ей, Мэдди, придется отвечать.

Когда его ждать с визитом?

Э... Он не может нанести нам визит. Он бы хотел, но ему пришлось срочно покинуть страну.

Покинуть с какой целью?

Он человек военный, офицер, и обязан подчиняться приказам. Ему приказали – он отправился воевать.

А его родственники? Мы могли бы познакомиться хотя бы с ними. Нам следует с ними познакомиться.

Увы, это невозможно. Он родом издалека. Из Шотландии, с самого севера. И кроме того, все его родные мертвы.

Но имя его ты можешь нам сообщить.

Маккензи. Его зовут Логан Маккензи.

Логан Маккензи. Вот она и обзавелась поклонником, у которого есть имя, и больше ничего. К вечеру Логан Маккензи обзавелся волосами (каштановыми), глазами (голубыми), голосом (низким, с шотландским раскатистым «р»), званием (капитана) и характером (твердым, но доброжелательным) и недюжинным умом.

В тот же вечер по настоянию домочадцев Мэдди села писать ему письмо.

«...Вот сейчас они смотрят на меня и думают, что я пишу письмо моему тайному возлюбленному, облаченному в килт, а я заполняю страницу всякой ерундой, молясь о том, чтобы никому из них не пришло в голову заглянуть мне через плечо. Самое неприятное во всем этом то, что мне ничего не останется, кроме как отправить этот опус по почте, когда страница будет исписана до конца. Письму моему предстоит осесть в какой-нибудь затхлой армейской конторе, куда стекаются письма, не нашедшие адресата. Во всяком случае, я на это очень надеюсь. Или же письмо это пойдет по рукам, его будут читать и насмехаться над той, которая его писала. И поделом мне.

Как все это глупо! Ужасно глупо. Громко тикают часы, отсчитывая минуты до наступления рокового часа, когда мне придется во всем признаться. Вначале я должна буду признаться, что солгала насчет красавца офицера из Шотландии, пока находилась в Брайтоне. Потом мне придется объяснять, зачем я это сделала. Если я скажу, что не хочу выходить в свет, надо мной просто

посмеются. И тогда мне не спастись от того, что должно случиться уже этой весной. Того, чего я так стремилась избежать, воспользовавшись вашими услугами. Я знаю, что мне на роду написано остаться старой девой, и мне совсем не хочется проходить через унижения, чтобы прийти к этому финалу.

Мой дорогой капитан Маккензи, вы – фантом, я же, в отличие от вас, самая настоящая. Самая настоящая неудачница.

Вот вам рисунок улитки!..

«5 октября 1808 года

Дорогой придуманный мной капитан Маккензи.

Возможно, мне и не придется ничего объяснять в этом году. Быть может, мне удастся протянуть до следующего сезона, не будучи разоблаченной. Должна признать, в вашем лице я нашла удобный выход из положения. К тому же домочадцы смотрят на меня совсем по-другому. Сейчас они видят во мне женщину, которая за пару мимолетных встреч смогла разжечь в мужчине неутолимую страсть и даже, может, любовь навеки. Кто станет спорить с тем, что любовь с первого взгляда – миф? Вы ведь без ума от меня! Одна-две прогулки по берегу моря, и вы уже не мыслите жизни без меня. Сколько вы дали мне обещаний... Я приняла их всерьез не без сомнений, зная, что нашей любви предстоит пройти испытания временем и расстоянием. И угрозой внезапной смерти. Войну ведь никто не отменял! Но вы смогли меня убедить, что ваше сердце не лжет, и я...

Наверное, я слишком много читаю романов».

«10 ноября 1808 года

Дорогой капитан Маккензи, плод моего прихотливого воображения.

Есть ли на свете что-то более отвратительное, чем наблюдать за развитием бурного романа собственного отца? О да, мы все знаем, что ему надо было

жениться вновь и произвести на свет наследника, отчего выбор в качестве супруги молодой и плодовитой женщины был самым разумным с практической точки зрения. Но разве я могла ожидать, что он с таким энтузиазмом возьмется за дело, забыв об элементарных приличиях! Будь неладна эта бесконечная война, из-за которой, вместо того чтобы проводить медовый месяц на континенте, они наслаждаются друг другом здесь, в доме, у всех на глазах, каждый день находя для своих утех новые укромные уголки. Слуги, конечно, притворяются, что ничего не замечают. Меня же от этого трясет.

Я знаю, что должна за них радоваться, и я действительно рада за них. Отчасти. Но до тех пор, пока этот проект по созданию наследника не принесет плоды, мне придется писать вам меньше, а гулять больше».

«18 декабря 1808 года

Дорогой капитан Маккензи, моя фантазия.

У меня появилась новая сообщница. К нам приехала погостить тетя Тея. Моя тетя в молодости погубила себя, прослав дамой полусвета. Грехопадение совершилось во Франции, где ее соблазнил коварный граф. Но сейчас она в годах: хрупкая и безобидная старушка.

Тетя Тея прониклась ко мне глубокой симпатией, прознав о том, что я страдаю от тоски по своему возлюбленному, воюющему с Наполеоном. Я так боюсь за жизнь отважного шотландского капитана. Мне даже лгать почти не приходится.

«Ну конечно, Мэдлин не желает посещать праздники и балы, где веселится столичный бомонд!»

«Разве не видно: бедняжка места себе не находит, думая о своем капитане Маккензи».

Право, мне даже немного не по себе от того, насколько сильно она мне сочувствует. Поддерживая меня, несчастную, она смогла добиться от моего отца невиданных поблажек. Завтрак мне теперь приносят в спальню, словно замужней женщине или прикованной к постели больной. Меня освободили от

необходимости посещать увеселительные мероприятия, и мне разрешено проводить столько времени, сколько мне хочется, за рисованием. Каждое утро мне приносят в спальню шоколад, гренки и газету, которую я успеваю прочесть еще до того, как она попадает к отцу.

Я начинаю верить, что вы – воистину гениальная идея».

«26 июня 1809 года

Дорогой капитан Маккензи, капитан Фикция.

Трубите фанфары! Звоните в колокола! О, счастье!

Драйте полы с лимонным маслом. Молодую жену моего отца основательно тошнит каждое утро и почти каждый вечер тоже. Все признаки налицо. Шумное, вонючее, дрыгающееся существо пробьет себе дорогу в этот мир месяцев через семь. Радости их нет предела, и меня оттесняют все дальше и дальше на задворки этой радости.

Ну и ладно. Зато нам принадлежит целый мир. Я имею в виду вас и меня.

Тетя Тея помогает мне проследить маршрут вашего передвижения, отмечая его флажками на карте.

Она развлекает меня рассказами о ландшафтах Франции, чтобы я могла воочию представить себе то, что окружает вас, когда вы тесните Наполеона за Пиренейские перевалы. Запах лаванды – это запах победы, говорит моя тетя. Я вынуждена время от времени напоминать себе, что должна выглядеть печальной и грустной, словно у меня за вас душа болит. И порой, как ни странно, притворство дается мне легко.

Будьте живы и здоровы, мой капитан».

«9 декабря 1809 года

О, мой дорогой капитан.

Вы будете на меня в обиде, но, должна признаться, я по уши влюблена.

Я навсегда отдала свое сердце другому, и имя его – Генри Эдвард Грейсчерч. Весит он всего 3 кило, он весь лиловый и сморщенный, и он – само совершенство. Не знаю, как я могла называть его существом.

Он – ангел, милее которого во всем мире нет.

Теперь, когда у отца есть наследник, наше имение никогда не перейдет к Жуткому Американцу, и нищета мне более не грозит. Это означает, что мне не обязательно выходить замуж, и я больше не нуждаюсь в фальшивом шотландском ухажере, чтобы меня оставили в покое.

Я могла бы заявить, что наша любовь не прошла проверку разлукой, что мы больше не пара, и положить конец всем этим глупым письмам, но тетя Тея слишком привязалась к вам, а я очень привязана к ней. Кроме того, мне будет не хватать этих писем.

Сама себя порой не понимаю.

Но иногда мне кажется, что вы меня понимаете лучше меня самой».

«9 ноября 1810 года

Дорогой Логан.

(Мы ведь уже можем называть друг друга по имени, верно?)

То, о чем я собираюсь написать, нельзя назвать иначе, чем выставлением напоказ своей самой постыдной слабости. Мне и самой не верится, что я пишу вам об этом, но, возможно, когда я напишу обо всем в письме, моя дурацкая привычка сама себя изживет. Видите ли, у меня есть подушка. Прекрасная подушка, пуховая, ни перышка. Достаточно туго набитая и большая. По ночам я кладу ее на кровать сбоку от себя, а под нее подкладываю горячий кирпич,

чтобы ее согреть.

А потом я ложусь рядом, и если я закрою глаза и провалюсь в полусон-полуявь, то мне почти удается поверить в то, что эта подушка не подушка, а вы. Вы лежите рядом со мной. Вы меня согреваете, вы оберегаете меня. Но ведь на самом деле это не вы, а подушка. И вообще, вас нет. А я не дружу с головой.

Как бы там ни было, привычка сделала свое дело, и теперь я без этой подушки даже уснуть не могу. Без нее мои ночи были бы бесконечно холодными и одинокими.

Где бы вы ни были, надеюсь, вы спите хорошо.

Сладких вам снов, мой капитан Большая Подушка».

«17 июля 1811 года

Мой дорогой шотландский лэрд и капитан.

А ведь вам удалось неплохо подняться для выдуманного мной шотландского горца без роду и племени. Вы ведь и не мужчина даже, а набитая ложью подушка с грубоватой прошвой характера. Только не умрите от радости! Вам предстоит стать помещиком. Тетя Тея убедила моего крестного, графа Линфорта, упомянуть меня в завещании, оставив мне самую малость. Этой «малостью» оказался замок в шотландском нагорье. Замок под названием Ленер. Этому замку предстоит стать нам домом, когда вы вернетесь с войны. Совершенная в своей абсурдности точка в конце этого абсурдного повествования, вы не находите?

Господи. Замок!»

«16 марта 1813 года

Дорогой капитан, прихоть моего сердца.

Будущий наследник отцовского титула сэр Генри и его младшая сестра Эмма растут как грибы после дождя. В конверт я вложила рисунок с изображением моих любимых племянника и племянницы. Благодаря своей любящей матери они растут славными и набожными людьми и молятся каждый вечер. И каждый вечер перед сном – пишу вам, надрывая сердце, – они молятся за вас. «Да благословит Бог и сохранит в добром здравии храброго капитана Маккензи». Эмми еще не научилась выговаривать все буквы, но тоже исправно молится за вас.

И с каждой их молитвой душа моя все глубже соскальзывает в бездну. Все это зашло слишком далеко. И все же, если я раскрою правду, все станут меня презирать. И скорбеть о вас. В конце концов, с нашей встречи в Брайтоне прошло уже пять лет.

Теперь вы член нашей семьи».

«20 июня 1813 года

Мой дорогой молчаливый друг.

Видит бог, как больно мне это делать, но у меня нет выбора. Тяжесть вины стала для меня неподъемной. И существует лишь один способ покончить со всем этим.

Вы должны умереть.

Мне жаль, вы и представить не можете, как мне жаль. Я обещаю, что сделаю вашу смерть героической. Вы спасете четырех, нет шестерых товарищей, благородно пожертвовав собой. Что касается меня, то я места не нахожу от горя. Слезы, что каплют из моих глаз, размывая чернила – самые искренние. И траур, что я буду носить, тоже ничуть не притворный. Знаете, убить вас – все равно, что убить часть себя. Самую романтическую часть, где притаились все наивные мечты и глупые надежды. Теперь моя судьба определена окончательно. Я состарюсь и умру старой девой. Разумеется, я всегда понимала, что иного пути у меня нет. Я знала, что никогда не выйду замуж, что меня никто никогда не будет любить. Может, написав об этом, мне будет легче привыкнуть к беспощадной правде.

Пора оставить ложь в прошлом. Пора перестать мечтать.

Мой возлюбленный, уходящий в небытие капитан Маккензи...

Прощай».

Глава 1

Инвернессшир, графство в Шотландии

Апрель 1817 года

У Мэдди дернулась рука, и на бумаге расплылась клякса. И изящная бразильская стрекоза сразу же стала напоминать пораженного проказой цыпленка.

Два часа работы насмарку из-за одного неверного движения.

Но трудов не будет жаль, если эти пузырьки означают именно то, на что она так надеется: спаривание.

Сердце ее забилось чаще. Она отложила в сторону перо, подняла голову и замерла, вглядываясь в действие, происходящее за толстым стеклом аквариума, наполненного морской водой.

Мэдди была наблюдательна от природы. Она умела слиться с фоном, сделаться незаметной, невидимой даже, будь то лондонский бальный зал с обоями из китайского цветастого шелка или замок Ленер с его спартанской обстановкой и грубой штукатуркой каменных стен. И Мэдди накопила немалый опыт, наблюдая за брачными ритуалами самых причудливых созданий: от английских аристократов до бабочек-капустниц.

В том, что касается любовных ритуалов, лангусты оказались самыми неторопливыми и сдержанными из всех известных Мэдди существ. Настоящие

маленькие ханжи – это крабы.

Мэдди ждала вот уже несколько месяцев того момента, когда Флаффи, самочка, начнет линять, тем самым демонстрируя самцу готовность к спариванию. Того же ждал и Рекс, самец краба, живший в том же аквариуме. И неизвестно, кого из них ожидание измучило сильнее.

Возможно, именно сегодня наступит тот самый день. Мэдди затаила дыхание в ожидании чуда. И вот оно: из-за куска коралла боязливо показалась антенна и осторожно качнулась из стороны в сторону в мутном полумраке.

Аллилуйя!

«Вот так, – молча заклинала самочку Мэдди. – Умница, девочка. Продолжай в том же духе. Тебе было так одиноко под этим камнем всю бесконечно долгую зиму, но сейчас ты готова расстаться с одиночеством».

Показалась голубая клешня.

Затем спряталась.

Беззастенчивое кокетство.

– Хватит строить из себя недотрогу.

Наконец, Флаффи отважилась показать всю голову.

И в этот момент кто-то постучал в дверь.

– Мисс Грейсчерч?

И все закончилось, едва начавшись.

Бульк-бульк, и Флаффи скрылась под камнем.

Вот черт.

– В чем дело, Бекки? Тетя Тея заболела?

Иной причины, чтобы беспокоить Мэдлин в студии, просто быть не могло. Слугам строжайше запрещалось отрывать ее от работы без очень серьезного повода.

– Все здоровы, мисс Грейсчерч. Но к вам прибыли с визитом.

– Ко мне? Вот так сюрприз.

Для «списанной в утиль» англичанки, прозябающей в безлюдном шотландском нагорье, любой посетитель был большим сюрпризом.

– И кто же это?

– Мужчина.

Теперь Мэдди была уже не просто удивлена. Она была прямо-таки шокирована.

Мэдди отодвинула безнадежно испорченную иллюстрацию, изображавшую стрекозу, и зачем-то посмотрела в окно. Мэдди выбрала в качестве студии эту комнату в башне в том числе и потому, что от вида, что открывался из окон, захватывало дух. Зеленые холмы и озерная гладь радовали глаз, но ворот отсюда не было видно.

– Мисс Грейсчерч, – явно нервничая, сообщила Бекки. – Он такой большой!

– Святые угодники. А имя у этого большого мужчины есть?

– Нет. То есть я хочу сказать, что имя у него, наверное, есть, ведь людей без имени не бывает, верно? Но он его не назвал. Пока не назвал. Ваша тетя решила, что вам лучше спуститься и самой на него посмотреть.

Да уж. События развивались все в более загадочном направлении.

– Сейчас спущусь. Попроси кухарку приготовить чай, пожалуйста.

Мэдди развязала тесемки фартука, стащила его через голову и повесила на крючок. После чего она окинула взглядом платье и руки. Серое платье как будто не сильно помялось, а вот руки были в чернилах, и с прической беда. Этим утром она не удосужилась заколоть волосы, и искать шпильки не было времени. Мэдди ничего не оставалось, как скрутить свои темные волосы в узел и закрепить на затылке с помощью оказавшегося под рукой карандаша.

Кем бы ни был этот безымянный большой незнакомец, ей едва ли удастся произвести на него впечатление с прической или без. А значит, и переживать не стоит.

Мэдди спускалась по винтовой лестнице не спеша, раздумывая о том, кому могло прийти в голову почтить ее визитом. Скорее всего, агент по продаже недвижимости, присланный ближайшим помещиком. Лорд Варли должен приехать только завтра, и Бекки его бы узнала.

Внизу Мэдди ждала тетя Тея. Театральным жестом она схватилась за голову, вернее сказать, за неизменно украшавший старушечью голову тюрбан.

– О, Мэдди, наконец-то.

– И где же наш таинственный визитер? В прихожей?

– В гостиной, – сказала тетя и взяла Мэдди под руку. Они вместе пошли по коридору. – Дорогая, ты должна сохранять спокойствие.

– Я и так спокойна. Или, вернее сказать, была спокойна, пока ты мне не напомнила о том, что я должна сохранять спокойствие. – Мэдди пристально посмотрела тете Тее в глаза. – Что происходит?

– Тебя, возможно, ждет потрясение. Но ты не должна паниковать. Как только все закончится, я приготовлю поссет, и тебе сразу станет лучше.

Поссет. О боже!

Тетя Тея воображала себя кем-то вроде фармацевта. И Мэдди ничего не имела бы против тетиного хобби, если бы ее снадобья зачастую не оказывались более

губительными, чем сама болезнь.

– Не думаю, что возникнет необходимость лечить меня посетом. Неужели этот визитер так уж опасен?

Мэдди расправила плечи, готовясь встретить безымянного гостя.

И, ступив за порог, поняла, что тетя готовила ее не зря. Перед ней был не просто мужчина. Перед ней был настоящий мужчина.

Высокий, статный, облаченный в то, что, наверное, являлось шотландской военной формой: килт в темно-зеленую и синюю клетку и красный мундир.

Волосы у него были почти до плеч – каштановые с отливом в медь. Крепкие скулы и мощный подбородок покрывала щетина того же оттенка, что и волосы на голове. Широкие плечи, стройный торс. На поясе висел простой черный спорран – сумка из тех, что традиционно носят шотландские горцы, а на бедре – кинжал в кожаном чехле. На мускулистых ногах были белые гетры, заправленные в потертые черные ботинки.

Мэдди, понимая, что нарушает все приличия, пялилась на незнакомца во все глаза.

Ее можно понять: горец представлял собой весьма колоритное зрелище. Олицетворение необузданной мужской силы.

– Добрый день, – неловко присев в реверансе, произнесла Мэдди.

Незнакомец не ответил ни словом, ни поклоном. Он молча подошел к ней так близко, как не позволил бы себе подойти ни один джентльмен, знакомый с нормами приличия.

Мэдди нервно переминалась с ноги на ногу. По крайней мере, теперь она уже не могла упрекнуть себя за то, что пялится на него во все глаза. Со столь близкого расстояния рассмотреть его целиком не представлялось возможным. От него слегка пахло виски и костром. Она глядела на его растянувшиеся в усмешке губы и не сразу решилась посмотреть ему в глаза.

Глаза его были того небесно-голубого цвета, от которого захватывает дух. И не от умиления. Отнюдь нет. Они рождали ощущение, словно тебя со всего размаху запустили в небо или швырнули в ледяную воду. Словно ты летишь в бездну, откуда нет возврата. Не слишком приятное ощущение.

– Мисс Мэдлин Грейсчерч?

И в довершение ко всему этот голос. Низкий, с раскатистым шотландским рыком, который словно придавал знакомым словам дополнительное незнакомое значение.

Мэдди кивнула.

– Я пришел домой. К вам, – сказал он.

– Домой? Ко мне?

– Я так и знала, – сказала тетя Тея. – Это он.

Странный мужчина кивнул.

– Это я.

– Кто такой – я? – не думая, выпалила Мэдди.

Ей не хотелось никому грубить, но она действительно никогда в жизни не видела этого мужчину. Если бы она его хоть раз в жизни увидела, то никогда бы не забыла. Такого невозможно забыть.

– Так вы не узнаете меня, сердце мое? – «Сердце мое» он произнес на гаэльском языке. Так уж случилось, что за время проживания в Хайленде она успела выучить некоторые слова и выражения на местном наречии.

Мэдди покачала головой. С нее было довольно. Хватит морочить ей голову.

Горец криво усмехнулся.

– Капитан Логан Маккензи к вашим услугам.

«Нет, только не это!»

Голова ее закружилась, и перед глазами все поплыло.

– Вы... – Мэдди с трудом шевелила губами. – Не может быть. Вы сказали, что вы капитан...

У нее пропал дар речи. И колени подкашивались. Но Мэдди не упала без чувств и даже не покачнулась. Она буднично опустилась на кушетку.

Шотландец наблюдал за ней, и, кажется, ее реакция его немного развеселила.

– Вы нормально себя чувствуете? – не без легкой иронии поинтересовался капитан Маккензи.

– Нет, я не чувствую себя нормально, – не стала кривить душой Мэдди. – У меня галлюцинации. Я вижу то, чего нет. Не может быть.

Капитана Логана Маккензи не существует. Его нет, и не может быть в живых. И среди мертвых его тоже быть не может.

Почти десять лет она водила всех за нос, заставив окружающих вначале поверить в то, что она не мыслит жизни без своего капитана, а потом в то, что она безутешно скорбит по своему покойному нареченному. И все это время капитан Маккензи был и оставался лишь плодом ее воображения.

Сколько вечеров она провела, строча письма своему капитану! И что же было в этих посланиях? Всякий вздор и наброски бабочек и улиток. Мэдди отказалась посещать балы и праздники, оправдываясь тем, что не может веселиться, когда мужчина, которого она так любит, сражается с врагом. Она всех убедила в своей преданности храброму сыну Шотландского нагорья, мужчине своей мечты, лишь для того, чтобы ее оставили в покое и дали возможность проводить вечера дома за чтением книг.

Крестный отец Мэдди, граф Линфорт, даже отписал ей замок Ленер, чтобы она могла жить поближе к тем местам, где родился и вырос ее возлюбленный. Какой чуткий старичок!

И когда обман стал слишком обременительным для ее совести, Мэдди устроила для своего придуманного шотландского офицера смерть. И весь год после его смерти она носила черное, а затем перешла на серое. Все вокруг считали ее безутешной, а на самом деле ее просто более чем устраивали черный и серый цвета. На них не так видны чернильные пятна и пятна от рисовального угля – неизменных атрибутов ее рабочих будней.

Благодаря капитану Маккензи у нее были дом, доход, работа, которая доставляет удовольствие, и никакого давления со стороны лондонского общества. Мэдди никогда не планировала так долго обманывать свою семью, но как вышло, так вышло. Но ведь никто в итоге не оказался в минусе, ничьи чувства не были задеты. Все получилось как нельзя лучше.

Мэдди так казалось. Вплоть до сегодняшнего дня.

Она медленно повернула голову, принуждая себя посмотреть в лицо горцу, который сел на кушетку рядом с ней. Сердце билось так, что Мэдди боялась, как бы оно не выпрыгнуло из груди.

Если ее капитана никогда не существовало, то кем же был этот мужчина? И чего он от нее хочет?

– Вы не настоящий, – сказала Мэдди и, зажмурившись, ущипнула себя за руку, надеясь очнуться от кошмара. – Вы не настоящий, – с расстановкой повторила она.

Тетя Тея театрально схватилась за горло одной рукой, а другой принялась энергично обмахиваться, словно веером.

– Это чудо, чудо! Только подумать, ведь нам сообщили, что вы...

– Что я мертв? – с сарказмом подсказал горец. – Можете сами меня потрогать и убедиться в обратном.

Вот уж, нет. Трогать его она точно не станет.

Никаких прикосновений!

Но не успела Мэдди понять, что происходит, как капитан схватил ее за руку и засунул себе под китель.

Не удалось обойтись без прикосновений. Очень даже интимных прикосновений.

Мэдди пробила дрожь. Глупый инстинкт! Ей так хотелось быть выше этого. Мэдди никогда не держалась за руки с мужчиной. Каково это? Любопытство оказалось сильнее доводов разума.

У него была широкая крупная ладонь. Сильная. Мозолистая. Покрытая шрамами и следами пороховых ожогов. По этой руке так же ясно читалось его ремесло, как и по ее бледной руке с длинными пальцами со следами въевшихся чернил. Пальцы иллюстратора. Пальцы воина. Его жизнь наполнилась приключениями, тогда как в ее жизни не было ни одного.

Капитан прижал ее ладонь к мягкой от многочисленных стирок льняной рубашке. Под тканью оказалась впечатляющая твердь. Стальная стена из мышц. Только не холодная, как сталь, а теплая.

Живая.

Настоящая.

– Я не привидение, сердце мое. Я обычный человек. Мужчина из плоти и крови.

Сердце мое.

Капитан часто повторял это выражение. Но два этих слова – нежные слова любви – в его устах звучали совсем не ласково. Его будто переполнял гнев. Так мог говорить лишь тот, кто вырвал из груди собственное сердце и похоронил его в холодной сырой земле. И сделал это давно. Так давно, что и забыл, что у него когда-то было сердце.

Не отпуская ее руки, капитан свободной рукой отвернул лацкан мундира. Из нагрудного кармана торчал край пожелтевшего листка. Мэдди узнала почерк на конверте. Это был ее почерк.

- Я получал твои письма, детка.

Да поможет ей Бог. Он знает.

Он знает, что она лгала. Он знает все.

И он здесь, чтобы заставить ее платить по счетам.

- Тетя Тея, - прошептала Мэдди. - Похоже, мне все-таки понадобится поссет.

«Вот, значит, какая она - эта девушка», - подумал Логан.

Наконец-то она попалась ему в лапы. Мэдлин Элоиза Грейсчерч. По ее же собственным словам, другой такой не сыскать во всей Англии.

Но ведь она сейчас и не в Англии. И, судя по тому, как она побледнела, ей вот-вот может настать конец. Дышит ли она?

Логан решил это проверить, крепко стиснув ее руку. И щеки ее порозовели.

Так-то лучше.

По правде говоря, у него и самого дыхание сперло. Из-за нее, этой девчонки. Он немало времени провел, гадая о том, какая она из себя. Слишком много времени он думал о ней. Она отправляла ему в каждом письме рисунки каких-то жуков, грибов и мотыльков, но ни разу не прислала своего портрета.

Но, видит бог, Мэдди оказалась премиленькой. Гораздо симпатичнее, чем можно было подумать по ее письмам. И еще она была меньше, чем он себе представлял. Маленькая, изящная и хрупкая.

- Итак, - сказала Мэдди, - это значит, что вы...

И язык у нее куда хуже подвешен, чем можно было подумать.

Логан перевел взгляд на тетю, которая отчего-то оказалась в точности такой, какой он ее себе представлял. Узкая в плечах, с бегающим взглядом, на голове тюрбан цвета шафрана.

- Вы не могли бы оставить нас на пару минут наедине, тетя Тея? Могу я звать вас тетей Теей?

- Но... Разумеется, можете.

- Нет, - простонала его нареченная. - Прошу вас, не надо...

Логан отечески похлопал ее по хрупкому плечу.

- Ну, будет вам...

Тетя Тея поспешила извиниться за племянницу.

- Вы должны простить ее, капитан. Мы так долго считали вас погибшим. И Мэдди до сих пор носит траур. Ваше неожиданное возвращение стало для нее слишком сильным потрясением.

- Это понятно, - сказал он.

Действительно, понятно.

Логан и сам бы сильно удивился, если сочиненный им персонаж явился ему во плоти.

Не только удивился, но и, возможно, испугался бы.

Мэдлин Грейсчерч была напугана, это точно.

- Так что вы, говорите, может вам понадобится, сердце мое? Пакет?

– Поссет, – поспешила ответить за Мэдди ее тетя. – Сейчас я его приготовлю.

Как только тетя Тея вышла за дверь, Логан, мертвой хваткой вцепившись в запястье Мэдди, поднялся с кушетки, заставив и ее встать.

Рывок, похоже, вывел ее из транса, развязав язык.

– Кто вы? – прошептала она.

– Я думал, мы уже прояснили этот вопрос.

– У вас совесть есть? Вас сюда никто не звал! Зачем вы пугаете мою тетю, самозванец?!

– Это я – самозванец? – насмешливо протянул Логан. – Нет, девочка, никакой я не самозванец. Но в одном ты права – совести у меня нет ни капли.

Мэдди нервно облизнула губы и тем самым вольно или невольно заставила его приглядеться к очень даже симпатичным пухлым губам, на которые, не коснись она их острым кончиком языка, он бы, может, и внимания не обратил.

В раздумье о том, не пропустил ли он еще чего-нибудь важного, Логан окинул медленным взглядом всю ее: от неопрятного пучка волос на макушке до выглядывающих из-под подола невзрачного серого платья потертых носков черных ботинок. Что за фигура скрывалась под этим почти монашеским одеянием, сказать было трудно. Да и неважно, как вовремя напомнил себе капитан Маккензи. Он явился сюда не по зову плоти.

Он пришел, чтобы забрать то, что ему причитается.

Логан глубоко вдохнул. Ее запах показался ему знакомым.

Запах лаванды – запах близкой победы.

Рука ее вспорхнула к лицу, пальцы коснулись лба.

– Я не могу понять, что происходит.

– Неужели? Так трудно поверить в то, что выдуманные вами звание и имя могут принадлежать реально существующему человеку? Маккензи – не такая уж редкая фамилия, а капитанов в британской армии – пруд пруди.

– Согласна, но ведь я специально указывала несуществующий номер полка.

– Ну что же, тем не менее...

– Тем не менее мои письма вас как-то нашли. – Мэдди прочистила горло. – И вы...
О нет. И вы их читали?

Логан открыл было рот, но Мэдди не дала ему ответить.

– Разумеется, вы их читали. Если бы вы их не прочли, вас бы тут не было.

Логан не знал, то ли досадовать на нее, то ли радоваться за то, что она берет на себя его реплики. Наверное, решил он, она поступает так по привычке. Недаром она вела с ним столько лет одностороннюю переписку.

И все же, когда в нем больше не стало нужды, она хладнокровно его убила.

Хитрая англичанка была уверена, что обвела всех вокруг пальца, обеспечив себе вольготную жизнь, где она сама себе хозяйка. Только вот зря она так решила. Она просчиталась. Очень даже просчиталась.

– О боже, – пробормотала Мэдди. – Меня сейчас стошнит.

– Не слишком-то здесь жалуют солдата, вернувшегося домой.

– Это не ваш дом.

«Это мы еще посмотрим, детка».

Логан решил дать ей минутку на то, чтобы прийти в себя, а себе на то, чтобы осмотреться. Логан медленно прошелся по комнате. Замок впечатлял если не своими размерами, то своей добротностью. И фортификационные сооружения, и башня, и жилые помещения, по крайней мере, на первый взгляд находились во вполне приличном состоянии. Стены этой комнаты украшали старинные гобелены, но только они и напоминали о быте прежних веков. Во всем остальном это было вполне современное жилище, обставленное сообразно вкусам английской аристократии. Впрочем, Логану было плевать на все эти ковры и кушетки.

Он подошел к окну и устремил взгляд вдаль. Куда больше, чем убранство этого замка, его интересовала земля, на которой этот замок стоял. И то, что он видел, его очень даже устраивало.

Вдоль кромки озера протянулась широкой изумрудно-зеленой лентой полоса плодородной земли. Вдали, за озером, на покрытых травой склонах могли бы пастись овцы. Так выглядело Шотландское нагорье тогда, когда он уходил на войну. Он и его боевые товарищи, которых он привел с собой в эти края. Увы, теперь родные края этих солдат выглядели совсем иначе. Их исконные земли украли жадные английские лорды и старые английские девы вроде той, в чьем замке он сейчас находился.

Тут хватит земли на них на всех. Здесь будет их новый дом, у подножия замка Ленер. Они лишь заберут то, что было у них отнято. Построят себе дома, посеют овес, заведут семьи. И начнут жить заново.

Логан ни перед чем не остановится, чтобы дать им шанс на счастье. Он был перед ними в долгу.

– Вы, – заявила Мэдди, – должны уйти.

– Уйти? Ни за что, сердце мое.

– Вы должны уйти. Сейчас же.

Мэдди взяла его за рукав и потянула к двери. Логан не сдвинулся с места.

Тогда Мэдди оставила в покое его рукав и принялась толкать его в грудь.

Этим она тоже ничего не добилась. Разве что развеселила Логана.

Он был мужчиной крупным, а она – хрупкой невысокой девушкой. Логан не смог удержаться от смеха. Впрочем, кое-чего Мэдди все же добилась. Толкая его в грудь своими маленькими ладошками, она порядком его расшевелила.

И это с ее стороны было весьма опрометчиво. Мэдди не представляла, какую опасность навлекает на себя.

У него очень долго не было женщины.

Слишком долго.

Наконец, она опустила руки, решив прибегнуть к последнему средству.

Ее глаза, большие, карие, молили о пощаде. Бедняжка и не догадывалась, что с ним этот номер не пройдет. Сердце его давно очерствело.

Но, будучи мужчиной, он не мог остаться совсем равнодушным к ее чарам. Она была хорошенькой, эта англичанка. Попытки сдвинуть его с места имели побочный результат: ее симпатичное лицо покраснелось, в глазах появился интригующий блеск.

Ей не к лицу серый цвет, вдруг подумал Логан. К ее темным волосам и сочным губам пойдут яркие цвета: изумрудно-зеленый цвет шотландских холмов и сапфирный синий шотландских озер. Логан поймал себя на том, что улыбается, и очень удивился. Да, в наброшенном на плечо пледе цветов его клана, темно-синем и зеленом, она будет смотреться замечательно.

– Уходите, – сказала Мэдди. – Если вы уйдете сейчас, я смогу убедить свою тетю, что все это было ошибкой. Потому что так оно и есть: это все – чудовищная ошибка. В мои намерения никогда не входило досаждать вам своими писаниями.

– Может, вы и не собирались посвящать меня в свои дела, но что сделано, то сделано.

– Так вы требуете от меня извинений? Хорошо, я признаю свою вину. Мне жаль, что я доставила вам беспокойство. Очень-очень жаль. И, если вы сообразоволяете вернуть мне мои письма и убраться отсюда подобру-поздорову, я обещаю щедро отблагодарить вас. Надеюсь, это вас утешит.

Логан покачал головой. Она решила, что может его подкупить?

– Я никуда не уйду, детка. Можете оставить ваши жалкие монеты при себе.

– Тогда чего вы хотите?

– Неужели непонятно? Я хочу того, о чем ты писала в своих письмах. Хочу, чтобы осуществилось то, о чем ты годами рассказывала своей родне. Я – капитан Логан Маккензи, и я получил все твои депеши до последней, и, несмотря на все твои усилия меня убить, я, как видишь, жив-здоров.

Логан коснулся ее подбородка, заставляя посмотреть себе в глаза. Он должен был убедиться в том, что она его слышит и понимает, что он готов осуществить задуманное.

– Мэдлин Элоиза Грейсчерч, я пришел сюда, чтобы жениться на вас.

Глава 2

Тетя Тея села за стол напротив Мэдди. Пригубив чаю, она произнесла:

– Должна признаться, моя дорогая, этот день переполнен сюрпризами.

С этим не поспоришь. Мэдди опустила ложку в чашку со странным сероватым варевом, похожим на жидкую манную кашу с большим количеством комочков.

Недавняя встреча с капитаном Маккензи так потрясла Мэдди, что неаппетитный вид тетиного снадобья не вызывал у нее никаких эмоций, даже привычного отвращения.

Итак, Логан объявил, что пришел за ней. Он собрался жениться на ней.

И как она ему ответила? Категорическим и безоговорочным отказом? Отхлестала его словами так, как она отлично умеет? Навсегда отбила у него охоту вваливаться в дом английской леди со всякими гнусными предложениями? Если бы! Ничего подобного. У нее словно разом отшибло мозги. Она стояла как вкопанная и молчала, словно воды в рот набрала, и очнулась, лишь когда тетя вернулась с поссетом.

«Я пришел, чтобы жениться на вас».

Все дело в ее проклятом воспитании. Любая девушка из приличной английской семьи вырастает с сознанием того, что эти слова, произнесенные джентльменом относительно приятной наружности и с честными намерениями, и есть то, к чему девушка должна стремиться с рождения. Всем им, и Мэдди в том числе, тысячи раз повторяли, что брак – это главная ее цель и главное предназначение. Собственно, она и вошла в этот мир с единственной целью: выйти замуж и стать продолжательницей рода. Как бы дико это ни звучало, услышав предложение руки и сердца, Мэдди почувствовала радость, словно хрустальные колокольчики зазвенели в ее голове и тоненький голосок запел: «Ну вот, ты, наконец, сдала экзамен. На тебе хотят жениться!»

К чести Мэдди, она сумела заставить этот голосок замолчать. Она категорически отказывалась считать полученное или неполученное предложение руки и сердце мерилем ее человеческой ценности. В любом случае это предложение вступить в брак, по сути, предложением не являлось. Оно являлось угрозой. Угрозой, полученной со стороны мужчины, которого нельзя считать джентльменом, намерения которого отнюдь нельзя назвать благородными, а что касается привлекательности... Пожалуй, его наружность тоже не относилась к категории относительно приятной.

– Я и представить не могла, что такое возможно, – сказала Мэдди, продолжая машинально размешивать поссет. – Представить не могу, как такое произошло.

– Честно говоря, я и сама ошеломлена. Но это понятно: нечасто люди возвращаются с того света. – Тетя Тея подперла голову рукой и устремила взгляд в окно. – Какой мужчина! Только взгляни на него...

Мэдди последовала совету тети и устремила взгляд в окно. Капитан Маккензи о чем-то говорил со своими спутниками. Как оказалось, он явился в замок не пешком, а верхом, и не один, а в сопровождении целого, пусть и небольшого, конного отряда. Вся эта маленькая армия теперь расположилась лагерем во дворе замка. Видит бог, Мэдди уже чувствовала себя на осадном положении. Как она такое допустила? Ответ прост: точно так же, как она допустила все то, что этой осаде предшествовало.

В том, что происходило сейчас, была виновата только она сама.

Много лет назад она допустила ошибку. Будто слепила снежок вроде тех, что лепят дети зимой. Маленький комочек, легко уместяющийся в руку. А потом этот снежный комочек укатился прочь от нее и, набирая скорость, помчался вниз с горы, делаясь все больше и больше. Одна ложь громоздилась на другую, и вскоре этот огромный ком лжи зажил своей жизнью, и Мэдди, когда-то слепившая тот маленький комочек, уже не имела над этой лавиной никакой власти.

– Подумать только, кого сумела завлечь в свои сети моя маленькая Мэдди в нежном возрасте шестнадцати лет! А я-то была уверена, что ты ходишь на море ракушки собирать, – задумчиво протянула тетя Тея, вращая браслет на запястье. – Когда ты нам рассказывала о своем капитане, я, грешным делом, полагала, что ты сильно преувеличиваешь его достоинства. А теперь я вынуждена признать, что ты не отдавала ему должное. Будь я лет на тридцать моложе, я бы...

– Тетя Тея, пожалуйста...

– Теперь я понимаю, почему ты так противилась браку с кем-то другим. Сравнения с ним не выдержит ни один мужчина. Не мудрено, что ты навсегда отдала ему свое сердце. Я знаю, о чем говорю. Так же было со мной. Когда я повстречала графа Монтеклер, я... Ах, как часто мне вспоминается та весна в Версале. – Тетя Тея вздохнула. – Мэдди, ты не притронулась к посету.

С сомнением уставившись в чашку с липкой, похожей на плохо размешанный клейстер, массой, Мэдди сказала:

– Пахнет как-то странно.

– Ничего странного там нет: горячее молоко с пивом, немного сахара, анис и гвоздика.

– Ты уверена? Никаких секретных ингредиентов?

– Ах да, совсем забыла. Я добавила всего лишь каплю фирменного эликсира доктора Харгривс. Для большей пользы. И еще щепотку специй для вкуса. Подкрепись, детка, до ужина еще далеко. Да, кстати, я сказала твоему капитану, что мы ждем его на ужин, и пусть приходит не один, а со своими товарищами.

– Тетя, разве ты не понимаешь: стоит один раз прикормить бродячих псов, и они уже никуда не уйдут. Стоит ли рисковать? И кухарке это точно не понравится.

– Они – солдаты, им не нужны кулинарные изыски. Хлеб, говядина, пудинг – этого достаточно. Если только, – и тут тетя взметнула бровь, – ты не желаешь попотчевать их крабами.

Мэдди пришла в ужас от такого кощунства.

– Ты о Флаффи и Рексе? Как тебе такое могло прийти в голову?

– Я всего лишь хотела намекнуть, что пора тебе перестать подглядывать за крабами.

– Это не моя блажь! Тебе известно, что мистер Оркни заказал мне серию рисунков, иллюстрирующих жизненный цикл крабов. И совокупление всего лишь часть их жизненного цикла. А прожить они могут и лет двадцать, и больше.

Кроме иллюстраций к жизнеописанию крабов, Мэдди занималась еще несколькими проектами, не очень престижными и не слишком хорошо оплачиваемыми. Но она надеялась, что с помощью лорда Варли ей удастся получить по-настоящему крупный заказ. Если удача будет на ее стороне, этот заказ даст Мэдди вождеденную независимость, потому что сможет кормить ее до конца дней.

– Ты о себе не забывай. У тебя ведь тоже есть жизнь. Со своим, замечу, жизненным циклом. – Тетя Тея ласково взяла племянницу за руки.

– Раз уж твой капитан вернулся, надо бы побыстрее сыграть свадьбу. При условии, конечно, что ты все еще хочешь выйти за него замуж. Или ты передумала?

Мэдди встретила с тетей глазами. Вот он – момент истины. Шанс вдребезги разбить гигантский ком лжи.

«Если честно, тетя Тея, я не хочу выходить за него. Видишь ли, этот великолепный образчик мужественности вовсе не моя добыча. Я ни разу его не видела, вплоть до сегодняшнего дня. Никакого капитана Маккензи не было. Я солгала. Да, это глупо, но я запаниковала и солгала, чтобы избавиться от неизбежного и унижительного разочарования, какое только и ждало меня во время сезона. Я всех ввела в заблуждение, и мне очень жаль. И мне очень стыдно».

Мэдди прикусила губу.

– Тетя Тея, я...

– Ничего не отвечай, – сказала Тея и, резко встав из-за стола, направилась к буфету. – Для начала я хочу налить себе бренди. Сегодня у нас есть повод для праздника. Я понимаю, что праздник этот в первую очередь твой, ведь это твой возлюбленный вернулся домой. Но в определенном смысле этот праздник и мой тоже. Сколько мне пришлось выдержать сражений с твоим отцом, стремившимся вернуть тебя в лоно светской жизни, и в итоге победа оказалась на моей стороне. Я так за тебя рада. И за себя тоже. Десять лет моей жизни не прошли зря.

Тея вернулась за стол с бокалом бренди в руке. У Мэдди защемило сердце.

– Ты ведь знаешь, как я тебя люблю, тетя.

– Конечно, знаю. Меня нетрудно любить.

– Тогда, надеюсь, ты сможешь меня простить.

– Простить тебя? – Тея рассмеялась. – За что, моя девочка?

У Мэдди раскалывалась голова. Она стиснула ложку так, что побелели костяшки.

– За то, что я не могу выпить твой поссет, – сказала Мэдди и простодушно улыбнулась тете. – Я чувствую себя гораздо лучше. Можно я тоже выпью бренди?

Мэдди так и не смогла найти в себе силы признаться. К тому же было бы жестоко заставлять тетю Тею страдать. И если подумать о последствиях, то тяжелее всего придется именно тете Тее. Расплачиваться за ошибки своей племянницы будет ни в чем не повинная старушка. Дело в том, что у тети Теи совсем не было средств. Она жила на полном иждивении Мэдди. Но зато во всем остальном тетя Тея была для Мэдди надежной опорой. Правда слишком больно ударила бы по ним обеим.

Из этого следовало, что Мэдди самой предстояло справляться с проблемой.

Очень большой и грозной проблемой.

Спутники Логана в тревоге ждали вестей.

– Ну как? – спросил Каллум, едва Логан вышел из замка. Судя по лицам его солдат, на добрые вести никто не рассчитывал.

– Все прошло, как я и ожидал, – ответил Логан. На самом деле по некоторым параметрам все прошло даже лучше. Логан был готов увидеть женщину, обезображенную оспой или заячьей губой. В лучшем случае его бы встретила заурядная дурнушка. Иначе для чего бы англичанке благородного происхождения придумывать себе возлюбленного?

Но Мэдлин на вид оказалась очень даже привлекательной особой. Конечно, у нее могли быть скрытые недостатки, которые сразу не заметишь, но одно ясно – дурнушкой она никак не была.

Хорошенькая маленькая лгунья.

Логан пока не решил, стоит ли радоваться этому обстоятельству или наоборот.

– Если все прошло так хорошо, то почему ты сейчас здесь, с нами, а не там, с ней? – резонно поинтересовался Рабби.

– Она была уверена в том, что меня нет в живых, – сказал Логан. – Я даю ей время на то, чтобы прийти в себя от шока.

– Тебе повезло уже в том, что ты застал ее живой и здоровой, – заметил Каллум. – Я не могу похвастать такой удачей.

К ним подошел Монро, полевой хирург.

– От твоей девушки по-прежнему никаких вестей, Каллум? – спросил Монро.

Каллум пожал плечами.

– Никаких вестей. Мой дядя в Глазго проверил все записи о пассажирах того корабля, что отправлялся в Новую Шотландию. Мисс Мэри Айлен Фрейзер в списках нет.

– Так это же хорошо, – сказал Монро. – Значит, она все еще здесь, в Шотландии.

Круглолицый солдат покачал головой.

– Я сказал, что в списках не было мисс Мэри Айлен Фрейзер. Зато там была миссис Мэри Айлен Мактавиш. Так-то вот она меня ждала.

Хирург, который был на несколько лет старше Каллума, похлопал парня по плечу.

– Сочувствую, парень, но не стоит убиваться. Если она тебя не дождалась, то и жалеть о ней нечего – она не заслуживает твоей любви.

– Мне не в чем ее винить, – сказал Каллум, ударив себя в грудь култей левой руки. Монро не смог спасти парню руку. – Кому я такой нужен?

– Поверь мне, у девчонок ты будешь нарасхват, – икнув, сказал Файф, – стоит только захотеть.

Логан достал из сумки флягу с виски и передал Каллуму. Он никогда не умел подобрать нужных слов для сочувствия, но зато всегда был готов угостить всех виски. Когда полк, в котором служил Логан, высадился в Дувре прошлым летом, их встречали как героев. Но чем дальше на север, чем ближе к родной Шотландии, тем меньше оставалось у этих солдат иллюзий. Они сделали свое дело и больше никому не были нужны. Кучка неприкаянных калек, покинутых возлюбленными, согнанных с земли их предков вероломными англичанами. Теми самыми английскими лордами, что позвали их воевать с общим, как тогда казалось, врагом. И Логан, их боевой командир, ничего не мог сделать, чтобы хоть как-то скрасить безрадостное возвращение солдат домой. Не мог до сегодняшнего дня.

Теперь он заберет то, что ему причитается, и отдаст достойным.

Нескладный великан, стоявший поодаль, вдруг вздрогнул.

– Так что это за место? Где мы?

– Полегче, Грант.

Грант был самым жалким калекой в этой компании. В битве при Катр-Бра Гранта сильно контузило, и с тех пор его память хранила лишь события текущего часа. Впрочем, о том, что было до контузии, он помнил прекрасно, но все, что было потом, не удерживалось в памяти.

– Мы в замке Ленер, – объяснил ему Монро. Логан всегда восхищался терпением полевого хирурга. – Война закончилась. Мы дома, в Шотландии.

– Дома? Как славно.

Ни у кого не хватило бы духу оспорить это заявление.

– Скажи, капитан, скоро ли мы отправимся в Росшир? Мне не терпится увидеть свою бабушку и малышей.

Логан нехотя кивнул.

– Завтра туда и отправимся, если хочешь.

Разумеется, ни в какой Росшир они не пойдут, да только ведь Грант все равно ничего не вспомнит. Бабушка его давно почилла от старости, а дети скончались от тифа. Их маленький домик выгорел дотла. Ничего у него не осталось: ни семьи, ни дома.

– Завтра так завтра, – миролюбиво согласился Грант и, помолчав немного, захихикал себе под нос. – Я вам рассказывал шутку про свинью, шлюху и волынку?

Ответом ему был дружный стон.

Логан взглядом приказал своим бойцам молчать. В свое время Грант один удерживал целый взвод лягушатников, дав возможность товарищам отступить. Он спас им жизнь, и в благодарность они могли бы, по крайней мере, не поморщившись, выслушать непристойную шутку еще раз.

– Я всегда готов послушать хорошую шутку, приятель, – сказал Логан.

Рассказ у Гранта получился долгим, с бесконечными запинками и повторами: не раз ему приходилось начинать все сначала – непросто собраться с мыслями тому, у кого память как решето. Когда, наконец, Грант дополз до финала, слушатели хором вторили ему скучающим тоном:

– Верещи громче, детка. Верещи громче.

Грант один смеялся от души и, хлопнув Логана по плечу, добавил:

– Отличная шутка, верно? Жду не дождусь, когда вернусь домой и расскажу ее своим.

«Ты уже вернулся домой. Другого дома у тебя нет и не будет», – подумал Логан.

– Приказываю всем разойтись, – громко скомандовал Логан. – Пусть каждый выберет участок, на котором построит себе дом.

– Никто не позволит нам здесь поселиться, – сказал Рабби. – Ты что, не понимаешь? Прошло больше восьми лет с тех пор, как ты поцеловал ее на прощание. Теперь эти земли в руках англичан. У твоей любимой есть отец или брат, и они уж точно не дадут нам тут пустить корни. Не успеем оглянуться, как окажемся на каторжном корабле по дороге в Австралию.

Каллум неловко переминался с ноги на ногу.

– Может, нам стоит дождаться, пока она выйдет за тебя замуж, капитан.

Логан расправил плечи.

– На этот счет вам не о чем беспокоиться. Она сегодня же вечером станет моей женой.

Глава 3

Мэдди умылась, глотнула бренди и, исполнившись решимостью, отправилась «на бой» с капитаном Маккензи.

Ей даже из дому выходить не пришлось: они столкнулись в дверях. Капитан сам за ней пришел.

Он медленно окинул ее взглядом с головы до пят, отчего по телу Мэдди почему-то побежали мурашки.

– Вы неважно выглядите, сердце мое. Думаю, глоток свежего воздуха вам не повредит. Давайте прогуляемся. Только вы и я – без посторонних.

– Хорошо, – согласилась Мэдди, пожалев о том, что не предложила ему прогуляться сама. Он перехватил инициативу, и это было дурным знаком. Мэдди предпочла бы полностью контролировать ситуацию, что являлось очень непростой задачей с учетом того, что ей пришлось иметь дело с чрезвычайно сильным во всех смыслах соперником.

Мэдди с трудом успевала за ним: шаг у Логана был широким, он двигался легко и быстро. День выдался на редкость погожим: удивительно теплым для апреля и солнечным. Синее небо отражалось в синих водах озера, одно ярче другого.

– Славный денек для прогулок у воды, – заметил капитан. – Совсем как в прежние времена в Брайтоне.

– Можете себя не затруднять насмешками. Я вполне отдаю себе отчет в том, что в шестнадцать лет мне не хватало ума. Но с тех пор много воды утекло. Я повзрослела и поумнела. Сейчас перед вами вполне зрелая женщина.

– В самом деле?

– Да. Я – взрослая женщина. Независимая. Самостоятельная. Мне по силам справиться и с хозяйством и с прочими проблемами. Так что давайте говорить начистоту.

Мэдди и Логан остановились у озера на поросшем густой травой зеленом мысе, напоминающем изуродованный подагрой указательный палец.

Какой же он все-таки высокий! Мэдди обнаружила, что может смотреть ему в глаза, только если запрокинет голову. Чтобы сравняться с ним, она забралась на широкий плоский валун, кстати оказавшийся поблизости.

Но в этой позиции обнаружились свои недостатки: у него оказались на редкость красивые глаза, и черты лица отличались особой выразительностью.

Мэдди напомнила себе, что не должна поддаваться под влияние его внешней привлекательности. Жизнь – не сказка, в которой сбываются самые заветные мечты, когда никакой надежды на их осуществление уже не осталось. Этот мужчина ничего не имеет общего с тем героическим капитаном Маккензи,

которого она себе придумала. Разве что имя у них общее.

И этот капитан Маккензи отнюдь в нее не влюблен.

Этому капитану нужна не она, а что-то от нее. Но что именно? Возможно, если ей удастся это выяснить, она сможет убедить его оставить ее в покое.

– Вы сказали, что вам не нужны деньги. А что вам нужно?

– Вот это, детка, – сказал он и широко обвел рукой вокруг себя. – Замок. Земля. И я готов на все, чтобы получить то, ради чего я пришел. Даже на то, чтобы жениться на вероломной английской лгунье.

Наконец, Мэдди услышала то, во что готова была поверить.

И услышанное повергло ее в ужас.

– Вы не можете заставить меня выйти за вас.

– А мне и не придется вас заставлять. Вы сами с радостью за меня пойдете. Как вы сказали, сейчас вы – независимая женщина. Но если вот эти письма, – и Логан похлопал себя по нагрудному карману, из которого торчал пожелтевший листок, – попадут куда следует...

Он прочистил горло и начал читать:

– «Мой дорогой капитан, моя прихоть, моя причуда!

Сегодня утром к нам заглянула эта мерзкая особа: мисс Прайс. Лавиния постоянно требует от меня новых историй о нашем с вами романе, мой несуществующий друг. Сегодня она спросила, целовались ли мы, и я сказала, что, конечно, мы целовались. А затем, разумеется, ей понадобилось меня спросить, на что похож поцелуй».

По мере того как он читал, лицо Мэдди все гуще заливала краска стыда.

– Прошу вас, остановитесь. С меня довольно.

Логан, как ни в чем не бывало, продолжал читать.

– «Мне бы дать ей какой-то обтекаемый ответ, мол, поцелуй – это довольно приятно или мило, а еще лучше – вообще ничего не ответить. Но...»

– Капитан Маккензи, прошу вас, замолчите.

– «...Но с губ моих отчего-то сорвалось это глупое, хвастливое слово. Даже не знаю, откуда оно взялось. Но, как говорится, слово не воробей. О, мой капитан, я сказала мисс Прайс, что наш поцелуй был...»

Мэдди потянулась за письмом, и Логан поднял руку так, что ей было не дотянуться. Ее попытка вызвала у него смешок, Мэдди готова была провалиться сквозь землю.

– «Я сказала мисс Прайс, что наш поцелуй был похож на пожар», – закончил Логан.

О боже.

Он сложил листок и вернул его в нагрудный карман.

– Занимательный опус, вы не находите? Но это ведь только начало. Вам отчего-то понравилось писать о личном. Об очень личном. Вы ведь помните?

Да. Она помнила.

Для юной Мэдди эти письма были чем-то вроде дневника, в котором она писала о том, о чем не осмеливалась сказать вслух. Все недовольства, все капризы девочки-подростка находили пристанище в этих письмах. В них она позволяла себе рассуждать о предметах, о которых имела весьма смутное представление, таких, как любовь между мужчиной и женщиной. Она отправляла эти письма капитану Маккензи именно потому, что не хотела, чтобы кто-нибудь их прочел.

А он угрожал ей тем, что отдаст эти письма на прочтение всем желающим!

У Мэдди свело живот от отчаяния и страха.

- Что, если я откажусь выйти за вас? – спросила она.

- Тогда я, пожалуй, перешлю ваши письма кому следует. Тому, кого они очень и очень интересуют.

Мэдди болезненно поморщилась.

- Полагаю, вы имеете в виду моего отца.

- Нет. Я, вообще-то, собирался передать ваши письма в редакцию какой-нибудь лондонской газетенки, которая кормится скандалами. Хотя почему бы мне не обратиться сразу в оба места? Посмотрим, кто предложит мне больше денег.

- Невероятное бессердечие.

Логан усмехнулся и, достав сложенное вчетверо письмо из нагрудного кармана, провел уголком по щеке Мэдлин.

- Вы еще даже не догадываетесь, на что я способен, сердце мое. Поверьте мне, я совсем не тот, о ком вы мечтали, и я гораздо хуже, чем вы можете вообразить.

В это Мэдди как раз легко верилось.

А она еще думала, что ей повезло! Удача насмеялась над ней, не иначе, все эти годы. Если письма станут достоянием гласности, унижения Мэдди не избежать, но она бы это пережила. Увы, в ее случае все обстояло куда серьезнее. Над глупцами смеются, а вот обманщиков ненавидят. Возможно, ее обман не был таким уж масштабным, и опасаться того, что ее возненавидит вся Англия, не стоило, но со стороны членов семьи, чьего сочувствия она добилась обманом, и со стороны приятельниц ее возраста, которым она дала немало поводов для зависти, не стоило ждать теплого отношения.

Подумать только, она и замок получила в собственность благодаря обману.

Все знакомые и незнакомые узнают о ее обмане, и разразится скандал. Ее родственникам еще годы придется отмываться от сплетен. И самое важное, кто станет заказывать научные иллюстрации лживой девице? И что тогда? Останется она одна-одинешенька, без гроша в кармане.

Мэдди охватила паника.

– Давайте все обсудим рационально, – сказала она. – Вы шантажируете меня письмами, которые я писала, когда мне было шестнадцать лет. Разве вы не совершали никаких глупостей в свои шестнадцать?

– Еще как совершал.

– Прекрасно, – с энтузиазмом сказала Мэдди. Кажется, у нее появился шанс вызвать в нем сочувствие. Капитан не может не согласиться с тем, что нельзя заставлять человека всю оставшуюся жизнь расплачиваться за ошибки молодости. – И какие именно глупости вы совершили?

– Я записался в армию, – сказал Маккензи. – И вот уже больше десяти лет я расплачиваюсь за свою глупость и все никак не могу расплатиться. И я еще дешево отделался. Большинство моих друзей заплатили жизнью за свой неудачный выбор.

Мэдди прикусила губу.

– Пожалуйста, постарайтесь понять. Если вы читали мои письма, то вы знаете, что я не получаю удовольствия от того, что лгу. Просто я утратила контроль над ситуацией. Сколько раз я жалела о своих словах.

– И вы бы перестали лгать, будь у вас возможность?

– Конечно. Не раздумывая.

Мэдди показалось, что ее готовность отказаться от придуманного возлюбленного задела капитана Маккензи, но, возможно, ей это только показалось. Воображение у нее работало отлично, особенно в том, что касалось мужчин в килтах.

- Если вы хотите поставить точку в этой истории, - сказал Маккензи, - вам придется выйти за меня замуж.

- Не понимаю, какая тут связь.

- Сами подумайте. Вы писали письма своему шотландскому жениху. Я их получал. Это же голые факты, верно?

- Допустим.

- Как только вы выйдете за меня замуж, ложь испарится. Все будет выглядеть так, словно вы все эти годы говорили правду.

- Если не считать одной малости: мы друг друга не любим.

Логан пожал плечами.

- Это и в самом деле несущественное обстоятельство. Любовь - всего лишь сказка, которую мы сами себе придумали.

Мэдди хотела возразить, но не была уверена в том, что ее аргументы прозвучат убедительно. В конце концов, личного опыта у нее было маловато. К тому же, как ни странно, капитану Маккензи удалось ее заинтересовать.

- Так что конкретно вы предлагаете?

- Я предлагаю ничего не усложнять. У каждого из нас есть свои причины для вступления в брак. Я женюсь на вас для того, чтобы получить во владение вашу собственность. Вы выйдете за меня для того, чтобы получить назад свои письма.

- Как насчет... - Мэдди стыдливо потупила взгляд. - Ну, вы знаете.

- Не представляю, о чем вы.

Да все он прекрасно понимал, негодяй. Просто не мог не воспользоваться случаем позабавиться за ее счет.

– Как насчет супружеских обязанностей? – с трудом выдавила Мэдди.

– То есть вы хотите знать, буду ли я принуждать вас к соитию? – Логан приподнял бровь. – Брак должен быть консумирован. Но я не хочу иметь детей.

– О, я тоже не заинтересована в том, чтобы иметь детей.

Мэдди покривила душой. Она любила детей, особенно совсем маленьких.

Но по ряду причин давно оставила мысль о материнстве. Так что, отказ от надежды завести собственных детей не был бы для нее слишком большой жертвой.

– Получается, речь идет об одной-единственной ночи? – спросила Мэдди. – И никаких там нежных чувств?

Логан кивнул.

– Нам придется пожить вместе всего несколько месяцев. Ровно столько, сколько будет мне нужно, чтобы во мне признали собственника земли. Я построю несколько коттеджей для арендаторов, заложу основу будущего урожая. А потом делайте, что хотите.

– То есть вы предлагаете мне уехать отсюда? И что прикажете сказать моей семье?

– Что мы, как и многие другие пары, которые поспешили связать себя браком, поняли, что не подходим друг другу и хотим жить раздельно.

– Действительно, – согласилась Мэдди, – так нередко случается. И в нашем случае даже лгать не придется.

Голова ее шла кругом.

Вначале сама мысль о браке с этим невесть откуда свалившимся на нее шотландцем казалась нелепой, но, что, если судьба таким образом дает ей шанс избавиться от чувства вины за свою ложь? В словах капитана был свой резон.

Подумать только, впервые за много лет она сможет приехать к родным и не почувствовать себя обманщицей! Ложь опутала ее ядовитой паутиной, мешала жить и заводить подруг из страха разоблачения. И одиночество все больше тяготило Мэдди.

Даже если навещать родственников не захочется, она сможет спокойно работать здесь, в замке. Капитан Маккензи не станет ей докучать: у него хватит своих забот с землей. Всего-то и надо – это один раз разделить с ним постель.

Мэдди украдкой взглянула на торчащие из-под килта волосатые ноги.

Может, не так все будет и страшно. По крайней мере, она сумеет удовлетворить свое любопытство. Каждый день она наблюдала за крабами, терпеливо ожидая развития событий. Изучая брачные игры крабов, она не могла не задумываться о том, в чем эти игры схожи и в чем разнятся с любовными ритуалами у людей.

– Итак, детка, какой будет твой выбор: ты выйдешь за меня замуж или вынудишь меня передать письма заинтересованным лицам?

Мэдди на мгновение закрыла глаза.

– Вы обещаете мне, что никто никогда не узнает правду?

– Клянусь, что от меня правду не узнает никто.

– И вы не станете препятствовать тому, чтобы я занималась тем, что меня интересует?

Логан кивнул.

– У вас своя жизнь, у меня своя.

У Мэдди кружилась голова, словно она стояла на краю пропасти. Она сделала глубокий вдох, собралась с духом и...

– Хорошо, я принимаю ваше предложение. Мы сможем пожениться так скоро, как позволяют приличия.

Логан рассмеялся.

– О каких приличиях речь, детка? Мы в Шотландии. Здесь между помолвкой и свадьбой проходят часы, а не месяцы.

– Но вы обещали, что никто не узнает правды. Что означает, что вы меня любите, а для своей любимой женщины вы хотите такую свадьбу, чтобы она запомнилась надолго. А для подготовки такой свадьбы нужно время.

Логан сократил дистанцию.

– Детка, если бы я и в самом деле был твоим капитаном Маккензи, который все эти годы на войне мечтал об одном: поскорее встретиться со своей ненаглядной, той, которую люблю больше жизни... – Он погладил ее по волосам. – Я бы не стал ждать даже дня.

Мэдди с трудом сглотнула вязкую слюну.

– Правда?

– Правда. Я бы уже час назад это сделал.

Логан склонил голову набок, и взгляд его упал на ее губы. И затем его губы проделали нечто очень странное: они стали к ней приближаться.

Не может быть, чтобы он...

О боже, может, он собирается ее поцеловать?

– Подождите. – Мэдди, запаниковав, уперлась обеими ладонями ему в грудь. – Ваши солдаты, мои слуги... Они, возможно, смотрят на нас.

– Конечно, смотрят. Поэтому мы и должны поцеловаться.

– Но я не знаю, как это делается. Вы знаете, что я не умею целоваться.

Губы его тронула едва заметная усмешка.

– Зато я знаю.

Эти три слова, произнесенные раскатистым басом, нисколько не успокоили Мэдди.

Но Логан, слава богу, не стал ее целовать. Склонив голову набок, он смотрел на ее волосы так, словно находил в ее прическе что-то удивительное и занятное. Так мог бы мальчишка смотреть на часовой механизм, гадая о том, как тот работает. И вдруг капитан вытащил карандаш, который служил ей вместо заколки, и выбросил в озеро.

Мэдди услышала негромкий всплеск и оглянулась.

И тут же Логан обхватил ее голову руками, пропуская сквозь пальцы темные шелковистые пряди волос. Нежно, именно так, как сделал бы ее капитан Маккензи. По телу Мэдди побежали мурашки.

– Это был мой лучший карандаш, – сказала она.

– Подумаешь, карандаш.

– У меня таких только два. Мне прислали его из Лондона. Здесь их не купишь.

Маккензи нежно погладил ее по щеке.

– Он чуть не выколол мне глаз. А у меня их тоже только два. И распущенные волосы вам идут больше, чем тот странный кукиш на голове.

– Но, – хотела было возразить Мэдди, но передумала и лишь тихо вздохнула.

Логан обхватил ладонями ее лицо.

В ушах стоял гул. Мэдди уставилась на его губы.

– Мне это не снится, да? – прошептала она, и в тот же момент капитан прижался губами к ее губам.

Мэдди замерла. Отчего-то она думала, что инстинкт подскажет ей, что делать дальше, но чуда не произошло.

Возможно, если она целиком сосредоточится на процессе, ее постыдная неосведомленность не будет так очевидна. Возможно, Маккензи мог бы научить ее целоваться примерно так же, как небо учит озеро быть голубым.

Глупо было так рисковать. Он слишком рано решился на поцелуй. Логан понял это, едва его губы коснулись ее губ, и она словно одеревенела. Вот черт, если этот шаг оказался неверным, он отпугнул ее и со всеми его планами пора прощаться.

Впрочем, еще не все потеряно. Уж он постарается сделать так, чтобы этот поцелуй ей понравился.

– Ну, будет тебе, сердце мое. Полегче.

Маккензи был терпелив и нежен настолько, насколько может быть терпелив и нежен мужчина его конституции. И старания принесли плоды: Мэдди откликнулась на его нежность. Очень робко она провела губами по его губам, и, вместо того чтобы оттолкнуть его, как она собиралась, упершись ладонями ему в грудь, Мэдди теперь тянула его на себя, вцепившись в лацканы мундира. Губы ее разжались, и он быстро просунул между ними язык. Она тихо вздохнула, и Логан понял, что все делает правильно. Не торопясь, он исследовал недра ее рта языком, и терпение его было вознаграждено, когда она легко коснулась языком его языка. И тогда у него едва не подкосились ноги.

«Да! Вот это дело!»

Теперь маленькая кокетка имела кое о чем представление. Когда он наступал, она отступала; когда он брал, она отдавала. И наоборот.

Логан мог бы часами стоять у этого озера с зеркальной гладью вод и целовать ее. Он мог бы провести тут дни и месяцы, не прерывая своего приятного занятия, не замечая смены времен года. В ней было что-то особенное, какой-то особый вкус. Пряный, сладковатый, теплый. Вкус, заставлявший его желать вновь и вновь лакомиться им, вкус, пробуждающий желание.

Как бы там ни было, он не хотел напугать Мэдди слишком напористым натиском и потому заставил себя оторваться от ее губ. Логан забыл, что она стояла на камне, приподнявшись на цыпочки, и, когда он отпустил девушку, она едва не упала, качнувшись ему навстречу. И он поддержал ее, не дав упасть. Логан не думал, что делает, он вообще ни о чем не думал. Он лишь почувствовал телом ее тело: такое женственно-мягкое, такое теплое, такое живое под предательским траурным нарядом.

И тут Мэдди подняла на него глаза: большие карие глаза, словно у робкой косули. Губы ее покраснелись, припухли и все еще были чуть приоткрыты.

«Святые угодники! У него и правда подкосились колени!»

Логан не лгал ей, когда говорил, что не верит в любовь, что ему от нее нужна лишь эта земля. Любовь – людская выдумка, но похоть – это не выдумка. И то, что он сейчас чувствовал, имело название – похоть. Он хотел Мэдди. Ее, а не ее землю или замок. По крайней мере, в эту самую минуту. Должно быть, это из-за того, что у него давно не было женщины.

Конечно, все дело в этом. Мэдлин даже не была в его вкусе. Будь у Логана выбор, он предпочел бы бойкую шотландскую девчонку со светлыми волосами и озорным блеском в глазах. И уж точно он и не посмотрел бы в сторону стыдливой англичанки, которая ни разу в жизни не целовалась. Хотя за внешней сдержанностью и стеснительностью скрывалась природная чувственность, которую сложно спрятать. Он не мог не задуматься о том, какой Мэдди может быть в постели, когда скинуты все покровы и отброшены все правила благопристойности.

Проклятие. Он опять думал о ней. Гадал о том, какая она.

Логан устал от этого. Слишком долго эта женщина занимала все его мысли. День за днем, ночь за ночью. Год за годом. Она стала его наваждением. Он

должен был отыскать ее, увидеть ее, познать ее. Услышать, как она стонет от наслаждения. Хотя бы раз. Когда не остается вопросов, нет и необходимости получить ответ. Она перестанет его интриговать, и наваждение закончится.

Логан опустил ее с камня на землю.

– Капитан Маккензи, – чуть хриплым голосом сказала Мэдди, но он ее перебил:

– Логан. Думаю, теперь вам следует называть меня по имени. Так будет лучше.

– Пожалуй, вы правы, Логан.

– Так что вы хотели сказать?

Мэдди покачала головой.

– Я уже не помню.

Логан решил, что ее забывчивость – хороший знак.

– Пожалуй, я пойду. Надо мне почистить перышки и собрать своих людей, – сказал он. – И вы можете начинать готовиться к церемонии.

– Думаю, что недели мне хватит, – сказала Мэдди, – хотя я бы предпочла получить в свое распоряжение пару недель.

Логан покачал головой.

– Я не буду ждать неделю.

– Ладно, дайте мне хотя бы дня три. Я... У меня нет подходящего платья.

– Мне безразлично, какого цвета будет твое платье, детка. Какая разница, что снимать?

Мэдди молча уставилась на него.

Логан понимал, что не может медлить, потому что, давая ей время на раздумья, он рискует проиграть эту битву. Что, если она решит вообще ничего не предпринимать, пока он не перейдет от угроз к действиям. Логан скосил взгляд на горизонт. Вот-вот зайдет солнце.

– У вас есть три часа. Мы поженимся сегодня вечером.

Глава 4

Мэдди всегда отличалась от прочих девочек, и она всегда об этом знала. К примеру, она была уверена, что ни одна другая невеста не составила бы такой список неотложных дел накануне собственной свадьбы:

- 1) принять ванну;
- 2) причесаться;
- 3) одеться;
- 4) не забыть про крабов.

Через три часа, вымытая, причесанная и одетая, Мэдди стояла у аквариума и, как ни печально для нее, Мэдди, и для него, Рекса, Флаффи не подавала никаких признаков приближающейся линьки.

Простившись с крабами, Мэдди перешла на галерею, откуда могла наблюдать за приготовлениями к собственной свадьбе, которая должна состояться в полном соответствии с традициями Шотландского нагорья – родины ее жениха.

Никаких особых декораций не было. Цветы еще не расцвели, на приобретение лент и прочих украшений не было времени, как не было времени ни для чего другого.

К вечеру погода резко переменилась, что вполне типично для весны, и сейчас за стенами замка бушевала буря. Дождь лил как из ведра, гремел гром и сверкали молнии.

В большом зале повсюду горели свечи. Из-за неизбежных при таком ветре сквозняков язычки пламени метались, отбрасывая на стены зловещие тени.

Слуги Мэдди выстроились вдоль одной из стен, а напротив – люди Маккензи. Все ждали невесту.

А ей больше всего хотелось остаться там, где она была. Или, еще лучше, забраться под камень и спрятаться там вместе с Флаффи.

– Готова, детка?

Мэдди подпрыгнула от неожиданности. Логан успел подняться на галерею по другой, служебной лестнице. Мэдди не услышала, как он поднимался. Логан застал ее врасплох. И дело не только в его умении ступать неслышно. Вымытый, выбритый, причесанный, он выглядел потрясающе. Кто-то успел вычистить его красный мундир и до блеска начистить оловянные пуговицы. Золотой позумент сиял. Мэдди чувствовала себя серой мышкой рядом с ним. Бекки немало потрудились над ее прической, но платье на ней было серое и старое – других просто не было; вот уже несколько лет как Мэдди не заказывала себе ничего из одежды. Зачем напрасно тратиться? Она никуда не выезжает и никого у себя не принимает. К собственной свадьбе она совершенно не была готова.

– Я не готова к этому, – сказала Мэдди.

Логан окинул ее быстрым взглядом.

– По мне так вы вполне готовы.

Едва ли это были те слова, которые мечтает услышать невеста в день своей свадьбы.

Мэдди окинула взглядом однополчан своего жениха.

– Что, по мнению ваших людей, сейчас происходит?

– Наша свадьба, что же еще?

– Так значит, они знают о письмах?

– Да, они знают, что я их получал. Но они никогда их не читали.

Мэдди хотелось верить в то, что он говорит правду, но отчего-то ей в это не верилось. У солдат на войне развлечений мало, а тут такой случай посмеяться над англичанкой со слишком богатым воображением и полным отсутствием личной жизни! Зачем бы Логан стал прятать письма от сослуживцев? Куда легче верилось в то, что он пускал их по кругу, когда они грелись у костра промозглыми вечерами.

– Тут так много людей, – сказала Мэдди. Она очень не любила находиться там, где былолюдно. В толпе ее охватывала паника. – Из моих писем вам, должно быть, известно, что я стараюсь избегать людных мест и такого рода собраний. Моя застенчивость и была причиной того, что я вас придумала.

– Детка, ты меня не придумала.

– Вы правы, я придумала не вас. Я придумала человека, способного понимать и сочувствовать. – Мэдди обхватила себя руками. Похоже, на такое никто, кроме ее вымышленного возлюбленного, не способен. – Вы никогда не слышали выражения «болезненно застенчивая»? Внимание множества людей к моей персоне для меня все равно, что ледяной ветер в разгар зимы. Вначале все тело мое покрывается мурашками, затем оно немеет, и я застываю.

Логан обхватил ее за плечи и развернул лицом к залу и спиной к себе, затем обнял так, чтобы она почувствовала в нем опору. Подбородок его был на уровне ее виска. Как ни странно, Мэдди почувствовала себя комфортнее.

– Смотрите, – сказал Логан и указал на ближайшего к ним солдата. – Это Каллум. Он потерял руку. А рядом с ним – Рабби, у него в ноге полно шрапнели. Следующий – Файф. Он каждую ночь будит всех криком, а Монро, тот, что рядом с Файфом, почти не спит. И, наконец, Грант. Тот вообще ничего не помнит из

того, что случилось после боя при Катр-Бра. Так что, все мы тут со своими тараканами.

Мэдди изогнула шею, пытаясь заглянуть ему в лицо.

- А у вас какие тараканы? Что за груз лежит у вас на душе?

- Груз долга, - еле слышно ответил Маккензи. - Я вел этих людей в бой. Я вел их в бой усталых, замерзших, трясущихся от страха. Я заставлял их идти на смерть. Я обещал им, что они доживут до того дня, когда вернутся домой и увидят своих жен, своих возлюбленных, своих детей, свою землю. И вот, они вернулись домой, а там - пустота.

Мэдди всем телом чувствовала его ярость.

- Сегодня, сейчас, - сказал он, - я верну им будущее.

- Так вот для чего вам нужна эта земля? Для них?

Логан скупо кивнул.

- И я не остановлюсь ни перед чем, чтобы вернуть им надежду на счастье. Ложь, шантаж, воровство - все сгодится. Так что, если понадобится, я просто закину тебя к себе на плечо, сердце мое, словно мешок с овсом, и снесу вниз.

- В этом нет необходимости.

Логан галантно протянул ей руку. Оттягивать неизбежное не было смысла. Мэдди чувствовала устремленные на нее взгляды и ежилась, как от ледяного ветра. Впрочем, сегодня с ней рядом был отважный горец, способный защитить ее и отогреть.

Тетя Тея приободрила Мэдди улыбкой, когда та проходила мимо.

И это тоже помощь.

Логан вывел ее на середину зала. По дороге он представил ее своим товарищам. Каждый из солдат поклонился ей. Суровые, без тени улыбки, лица воинов, мечущиеся по стенам тени от колеблемых ветром язычков пламени множества свечей – все это было словно из другого мира, из прежних, темных веков. Вот так в мрачном Средневековье вождь клана представлял свою жену вассалам, и те клялись ей в верности. Мэдди грело душу уже то, что капитаном руководила не одна лишь жадность. Пусть к ней он не питал никаких нежных чувств, но, по крайней мере, ему не чуждо было чувство долга, и своим боевым товарищам он был всецело предан.

– Вот Грант, – сказал Логан, когда они подошли к очень крупному нескладному мужчине, стоявшему последним в шеренге. – Вам предстоит с ним знакомиться не один раз.

– Это что такое, капитан? – тревожно оглядываясь, спросил великан, потирая ладонью бритую голову. – Где мы сейчас?

Логан положил Гранту руку на плечо.

– Расслабься. Мы вернулись в Шотландию, сердце мое. Война закончена, и мы сейчас в замке Ленер в окрестностях Инвернесса.

Великан посмотрел на Мэдди. Похоже, ему с трудом удалось сфокусировать на ней взгляд.

– Кто эта девушка?

Мэдди протянула ему руку.

– Меня зовут Мэдлин.

– Это твоя любимая? – спросил у Логана Грант. – Та, что присылала тебе все те письма?

Логан кивнул.

– Я женюсь на ней. Прямо сейчас.

– Правда? – Грант смотрел на нее несколько секунд, а потом тихо засмеялся и пихнул Логана локтем в бок. – Ты счастливчик, капитан.

И в этот момент Мэдди поняла, что рядовой Мэлком Алан Грант навсегда завоевал ее самую глубокую симпатию.

От слов Гранта она почувствовала себя хорошенькой в день собственной свадьбы. Она была благодарна ему за это и останется благодарна на всю оставшуюся жизнь.

– Скажи, капитан, а скоро мы сможем отправиться в Росшир? – спросил Грант. – Хочу повидать своих малышей и бабушку.

– Завтра, – сказал Логан. – Мы отправимся завтра.

– Вот и отлично.

Уладив вопрос, Логан развернул свою невесту и вновь повел ее на середину зала.

– Пора покончить с формальностями, – сказал он.

– И кто будет проводить церемонию?

– Монро. Священник нам не нужен. Колец все равно нет, так что и благословлять нечего. В Шотландских горах издревле сочетались браком вот так, без лишних формальностей. Простое обручение.

– Обручение? Я думала, обручение лишь временный союз, который длится один год и один день.

– Откуда вы почерпнули эти сведения? Из романов? Когда-то в старину так, возможно, и было, но церковь положила конец временным союзам. Но женихи и невесты продолжают обмениваться клятвами на старинный манер. Вот так, – сказал Логан и, сомкнув пальцы левой руки вокруг ее левого запястья, правой рукой обхватил ее предплечье. – А теперь и вы сделайте то же, что и я.

Мэдди сделала, как он велел, хотя сомкнуть пальцы вокруг его предплечья ей, конечно, не удалось. Все это напоминало какую-то детскую игру, словно они соорудили колыбельку для кота.

Логан кивнул Монро, и тот, выступив из шеренги, подошел к ним с пледом в руках и обмотал ткань вокруг их сомкнутых рук.

Сердце ее забилось чаще, и дыхание тоже участилось. Перед глазами поплыл туман. Должно быть, Логан понял, что с ней что-то не так, потому что он сильнее стиснул ее запястье.

- Мы не могли сделать это наедине?

- Увы, брак не действителен без свидетелей, детка.

- Я понимаю, но зачем так много людей? Просто...

Мэдди не смогла закончить мысль. Немота сковала горло, как это уже не раз бывало прежде. Холод настиг ее, как бы хорошо она ни пряталась, и лед сковал панцирем от макушки до пяток, лишил голоса, не давал пошевелиться. Кровь гудела в ушах, время остановилось.

- Посмотри на меня, - приказал Логан.

Мэдди с трудом повернула голову и подчинилась. Он смотрел ей прямо в глаза.

- Не думай ни о ком. Сейчас здесь только я и ты.

И тогда случилось чудо. Страх отступил, и буря за стенами замка, неровное пламя множества свечей, символизм старинного обряда заставили Мэдди почувствовать себя частью какого-то особенного мистического ритуала, таинственного и романтического.

Вдруг Мэдди посетило чувство, что сейчас происходит именно то, о чем она втайне мечтала с тех пор, как в шестнадцать лет придумала себе сурового, но нежного горца.

«Не обольщайся, – заклинала себя Мэдди. – Не давай воли воображению. Помни о том, что оно, твое неумемное воображение, и стало причиной всех твоих бед».

– А сейчас повторяй за мной все то, что я буду говорить, – сказал Логан.

Он говорил на гаэльском наречии, и Мэдди как попугай повторяла за ним, не понимая смысла сказанного.

– Хорошо, – похвалил ее Логан.

И вновь почувствовала, словно оттаивает. Что было, конечно, неразумно с ее стороны.

Потом Маккензи произнес еще одну фразу на своем родном языке. Она услышала свое имя среди незнакомых слов.

Затем к ним подошел Монро и размотал плед, связывающий их руки.

– Что теперь? – спросила Мэдди.

– Только это, – сказал он и, наклонив голову, быстро поцеловал ее в губы. – Вот и все. Дело сделано.

Боевые товарищи Логана грянули ура.

Итак, Мэдди стала замужней леди.

Чувствовала ли она себя по-другому в новом статусе? И должна ли она чувствовать себя по-другому?

– Я не стал бы требовать, чтобы вы отныне носили полный традиционный шотландский костюм, – сказал ей муж, – но, раз вы теперь миссис Маккензи, вы не должны появляться на людях без этого. Один из однополчан Маккензи протянул ему отрез шерстяной ткани в сине-зеленую клетку. Логан перекинул плед через плечо жены. Из своей дорожной сумки он достал нарядную заколку, сделанную из желтого блестящего металла, и скрепил полы пледа сбоку, в районе талии.

– О, какая чудная вещь, – сказала тетя Тея. – Что это?

– Это старинная шотландская брошь, – пояснил Каллум. – У нас в горах принято дарить такую брошь нареченным.

– Тогда вам следовало подарить Мэдлин эту брошь еще тогда, когда вы познакомились в Брайтоне, – резонно заметила тетя Тея.

– Да, я должен был это сделать, но, наверное, забыл, – сказал Логан, с усмешкой взглянув на Мэдди.

И вдруг Мэдди поняла, в чем именно состоит главная перемена в ее жизни. Она вступила в заговор. В ее жизни появился человек, с которым она делила главную тайну своей жизни. Он, капитан Маккензи, стал наперсником, посвященным во все ее секреты и замыслы. Если Маккензи и осуждал ее за ложь, то эта ложь, по крайней мере, не отбила у него желание вступить с ней в отношения. Отсюда следовало, что из всех людей на земле именно этот суровый горец больше всех подходил под определение лучшего друга.

Где-то совсем рядом послышался раскат грома. Должно быть, молнии сверкали прямо над крышей замка.

– Что это? – растерянно спросил Грант и обвел взглядом зал. – Нам надо найти укрытие, капитан.

Теперь Мэдди понимала, что имел в виду Логан, когда говорил о дырявой памяти своего солдата. Бедняга Грант. Логан похлопал Гранта по плечу, вновь объяснил ему, где они находятся и что происходит. Заверил контуженого солдата, что ему ничто не угрожает и что завтра они отправятся в Росшир. Сколько раз Логан терпеливо успокаивал Гранта, повторяя одно и то же? Сотни раз? Тысячи? Его терпению святой позавидовал бы!

– А кто она такая? – Грант кивком указал на Мэдди.

– Меня зовут Мэдлин, – ответила Мэдди и протянула солдату руку.

– Вы та самая возлюбленная капитана, что написала ему столько писем?

– Да, – сказал Логан. – А теперь она – моя жена.

Грант прищелкнул языком и пихнул Логана в бок локтем.

– Да ты счастливчик, капитан.

Да, подумала Мэдди. Грант по-прежнему оставался ее любимчиком. Неважно, какая у него память, ей будет приятно иметь такого мужчину в своем окружении.

Мэдди уже раздумывала над тем, можно ли поцеловать Гранта в щеку без риска испортить себе репутацию, когда замок вздрогнул от оглушительного громового раската. За окном сверкнула молния, озарив помещение жутким мертвенно-белым светом, и порывом ветра разом задуло все свечи.

– Мэдлин, берегись, – воскликнул Логан, и впервые за много лет первым его побуждением было не успокоить Гранта, не защитить своих солдат, а уберечь от беды заносчивую англичанку, которую он едва знал. И которая только что стала его женой.

Он обнял Мэдди, стараясь прикрыть ее своим телом в случае, если свалится на пол тяжелая люстра или еще что-нибудь там. Решив, что опасность миновала, Логан спросил:

– Как вы? В порядке?

– Да, конечно. Я только немного испугалась.

Логан чувствовал, как трясет Мэдди.

И он догадывался, что трясет ее не только из-за страха перед грозой. Наблюдая за ней, Логан видел, что ей было не по себе на протяжении всей церемонии. С каждой минутой Мэдди все сильнее бледнела, и когда она повторяла за ним брачные клятвы, то смотрела на него и словно не видела.

Выходит, она не драматизировала ситуацию, когда говорила, что не любит бывать там, где много людей. Признаться честно, здесь, в замке, народу было совсем не много. Что же говорить о пышных балах где-нибудь в столице?

Логан привык считать ее избалованной, вздорной девицей. Кто еще мог бы придумать себе возлюбленного и убедить в его существовании всех окружающих? Но теперь его мнение о ней начало меняться. Похоже, не только и не столько каприз побудил ее сочинить всю эту историю с капитаном из далекой Шотландии.

Проклятие. Он снова думает о ней. Пытается ее разгадать.

Впрочем, сегодня разгадка будет получена.

В конце концов, мотивы ее поступков ему безразличны. Что с того, что ее выдумка была не прихотью избалованной барышни? Что с того, что пойти на обман ее заставил инстинкт самосохранения?

Логан принудил ее к браку не для того, чтобы облегчить ей жизнь.

Но невесть откуда взявшееся желание защитить эту хрупкую миниатюрную девушку, которой он навязался в мужья, было на удивление сильным. Как бы там ни было, Логан только что поклялся в том, что будет защищать ее и беречь, а он был не из тех, кто с легкостью дает слово и с легкостью берет его назад.

Его товарищи ждут праздника: музыки, танцев, вкусной еды и вина. Все было готово для пира.

– Я отведу вас наверх, – предложил Логан.

– Только идите медленно, – еле слышно прошептала Мэдди. – Чтобы я за вами успевала.

– Вам не придется идти, – сказал он. – Я вас понесу.

– Как мешок с овсом?

– Нет, детка. Как свою невесту.

С этими словами Логан подхватил ее на руки и понес к лестнице под восторженные крики своих товарищей.

Однако, когда они оказались на лестнице, Логан сообразил, что понятия не имеет, куда ее нести.

– Где ваша комната? – спросил он.

Мэдлин взяла руководство на себя. Путь до ее покоев оказался неблизким: множество поворотов, множество лестничных пролетов.

– И вы каждый вечер проходите весь этот путь? – спросил Логан, пытаясь не подать виду, что порядком утомился.

– Как правило, я проделываю весь этот путь несколько раз за день.

Шотландские замки с высокими башнями незаменимы на случай войны, но для мирной жизни в них многовато ступенек.

– Почему бы вам не поменяться жильем со слугами? Их – наверх, а вам перебраться куда-нибудь пониже.

Мэдди лишь пожала плечами.

– Мне нравится вид из окна, – сказала она.

Спальня ее оказалась уютной комнатой, теплой, красиво обставленной. Пространство под скатами крыши заполняли книги и всякие странные безделицы. Совсем не так представлял Логан спальню наследницы-англичанки. Впрочем, Логан читал ее письма и не мог не признать, что эта комната была проникнута духом той, что их писала.

Он обратил внимание на две миниатюры на туалетном столике, изображавшие светловолосых детей: мальчика и девочку. Логан сразу их узнал.

– Это Генри и Эмма, – сказал он.

– Верно. Откуда вы знаете?

Логан пожал плечами.

– Может, я узнал их по вашим письмам.

Если начистоту, он узнал не только детей, но и руку Мэдди.

Им овладело странное чувство: словно он знает ее очень и очень близко. И сразу за этим ощущением пришло чувство вины.

Логан поставил ее на ноги.

– Спасибо, что принесли меня сюда.

– Вы почти ничего не весите.

– Знаете, я хотела бы попросить вас кое о чем. Вы не могли бы вести себя как-нибудь менее обходительно? В вас слишком много от героя-любownika, а ведь наш с вами союз – исключительно брак по расчету. Не так ли?

– Как пожелаете, сердце мое.

Она права. Наличие нежных чувств не предусматривалось в договоре.

Раз уж он принес ее наверх, в спальню, то не пора ли поскорее приступить к осуществлению уже обговоренного ими пункта соглашения?

– Даю вам полчаса на то, чтобы подготовиться, – сказал он, перед тем как покинуть комнату. – А потом я вернусь.

Логан дал ей полчаса на подготовку.

Полчаса?

Мэдди уговаривала себя не поддаваться панике.

Сколько времени нужно, чтобы привыкнуть к мысли о том, что она теперь замужняя женщина?

Дело осложнялось тем досадным обстоятельством, что она, кажется, прониклась нежными чувствами к своему мужу. Мужу, для которого она была не более чем средством к достижению цели.

Абсурд!

Как она могла?

Они и знакомы всего полдня. И бо?льшую часть этого времени Логан не давал ей никаких поводов к тому, чтобы понравиться. Ум спорил с глупым, сентиментальным сердцем.

«Логан тебя шантажировал.

Да, а потом он поцеловал меня у озера.

Он вел себя омерзительно.

Но его преданность своим боевым товарищам не может не восхищать.

Он угрожал взвалить тебя на плечи, словно мешок с овсом, и в таком виде притащить на свадебную церемонию.

И вознес чуть ли не до небес.

Мэдди, ты невменяемая».

Мэдлин вздохнула, пробормотав:

– С этим не поспоришь.

Она решила не звать горничную.

Сняв надетую капитаном Маккензи накидку и платье, Мэдлин напомнила себе, что этот капитан Маккензи не имеет ничего общего с придуманным ею героем. Когда он вернется в комнату – Мэдди посмотрела на часы – ровно через девятнадцать минут, не следует ждать ничего романтического. Он придет, чтобы завершить сделку.

Да, но...

За окном сверкнула молния. Наполовину спустив чулок, Мэдлин замерла, замороженная воспоминанием о том, как Логан обнял ее в тот момент, когда гром потряс замок. За это воспоминание цеплялось другое: как он нес ее на руках, возносил на самую высокую башню...

О да, Мэдлин была в беде и понимала это.

Потом, сидя перед зеркалом, она расчесывала волосы, чувствуя, как по телу горячими волнами прокатывается мелкая дрожь. Тело ее, если не она сама, подготовилось к тому, что должно было произойти.

Мэдлин закрыла глаза и глубоко вздохнула.

Не стоит обольщаться. Не стоит вкладывать в то, что ей предстоит тот смысл, которого там нет. Подобного рода глупости ни к чему хорошему не ведут. Разбитые надежды приносят только боль.

Любовь – это обман.

И ей не привыкать обманывать себя. Обманывать себя – это ее способ жить.

Мэдди еще раз взглянула на часы. Осталось восемь минут.

Мэдди положила щетку на стол, и в этот момент взгляд ее упал на брошь в форме сердца, которую подарил ей Маккензи во время церемонии.

Мэдлин взяла в руки эту брошь, чтобы лучше рассмотреть.

Вещица была выполнена безыскусно, даже грубовато. Окаймленная золотой проволокой в форме сердца, брошь была украшена полукруглыми камнями синего и зеленого цветов, выложенными в виде креста. Мэдди перевернула брошь, чтобы посмотреть, как выглядит ее обратная сторона. Простое, но надежное крепление в виде английской булавки. Мэдди рассеянно провела пальцем по проволоке. На золотой кайме палец нащупал царапины. Что это? Гравировка? Мэдди поднесла брошь к свече и увидела на правой стороне «сердца» крохотные буквы «Л.М.». Логан Маккензи? Да уж, он подготовился основательно. Точно так же исследовав левую половину «сердца», Мэдди обнаружила вторую гравировку. Поднеся брошь к свету, Мэдди была почти уверена в том, что сейчас увидит первые буквы ее имени: М.Г. – Мэдлин Грейсчерч, но увидела совсем другие буквы.

– А. Д. – прочла она вслух.

Невероятно. Очевидно, капитан Маккензи не был так уж чист перед ней. У него, судя по всему, был за плечами кое-какой любовный опыт. Не слишком удачный, с учетом того, что он подарил Мэдди брошь, предназначенную для бывшей возлюбленной.

Повеса. Сердцеед. Негодяй.

Мэдди выронила брошь из рук.

Как бы там ни было, изучение подаренного ей капитаном Маккензи ювелирного изделия пошло Мэдди на пользу: странное покалывание как рукой сняло. Брошь эта словно и была нужна для того, чтобы она начала думать головой, а не сердцем. Теперь у нее было неоспоримое доказательство того, что в этом браке не предусмотрено наличие каких бы то ни было искренних чувств. Она станет носить эту брошь постоянно, как постоянное напоминание о том, что этот брак всего лишь фарс.

Дверь негромко скрипнула.

Мэдлин нырнула под одеяло. Быстро, но недостаточно быстро для того, чтобы он не заметил ее маневр. Она подтянула одеяло к подбородку и боязливо уставилась на мужа.

Логан снял китель, расстегнул манжеты на рубашке и закатал рукава до локтей. Он пришел к ней босиком – видно, носки и ботинки снял за дверью. На нем были лишь распахнутая у ворота рубашка и килт.

– Вы готовы? – спросил он мрачно.

– Не знаю, какого ответа вы от меня ждете, – сказала Мэдди. – Но я не думаю, что когда-нибудь смогу себя к этому подготовить.

– Если вы устали, мы можем отложить до утра.

– Нет. То есть я хочу сказать, что предпочла бы покончить с этим как можно быстрее. – Затягивать не имело смысла: лишние мысли, лишние тревоги, лишние мучения. И в итоге она может окончательно струсить.

– Ну, тогда ладно.

Лизнув пальцы, Логан загасил все свечи одну за другой. Теперь комнату освещали лишь горящие в камине угольки.

Матрас прогнулся под его весом.

Мэдди вытянулась под одеялом, боясь пошевелиться. Сердце ее билось чаще, чем у пойманной в сети птички. Ее бросало то в жар, то в холод.

– Вот, – сказала она, потянувшись за склянкой, что дала ей тетя. – Тут какая-то мазь. Мне ее дала тетя. Она сказала, вы знаете, что с этим делать.

Логан взял склянку, отвернул крышку и понюхал содержимое.

– Да, я знаю, что с этим делать, – сказал он и швырнул склянку на пол. Она покатилась куда-то в угол.

– Но...

– Я не дам твоей тете загубить меня своими снадобьями, – сказал Логан. – Я слишком хорошо помню, что было с тобой после ее снотворного. Ты писала, что потом две недели ходила вся в волдырях.

Мэдди прикусила губу и плотнее завернулась в одеяло. Он помнит об этом? Даже она сама забыла о том случае. Но на самом деле Мэдди написала правду: даже после того как сошли волдыри, она еще месяц чесалась.

Логан знал о ней так много, что Мэдди было не по себе. Жутко от того, что он многое знал о ней, но совсем не знал ее. А что до нее, так она не имела ровным счетом никакого представления о том, что за человек был сейчас с ней. В создавшейся ситуации преимущество было целиком на его стороне. Он имел знания, опыт. Он был хозяином положения.

– Выпей-ка лучше это, – сказал Логан, протянув ей маленькую фляжку.

– Это лекарство?

– Горское лекарство. Добрый шотландский виски.

Мэдди осторожно поднесла фляжку к губам.

– Запрокинь голову, он сильнее обжигает, если пить мелкими глотками.

Крепко зажмурившись, Мэдди запрокинула голову и сделала большой глоток. Закашлявшись, она вернула фляжку хозяину.

– Если все делать правильно, нет нужды ни в каких кремах и смазках. – Он обхватил ее икру, прикрытую одеялом. – А я все сделаю правильно. Тебе понравится.

Мэдди судорожно сглотнула и ничего не сказала.

– Но все равно, скорее всего, будет немного больно, когда я...

– Я знаю.

– Но потом все быстро закончится, как бы мне не было стыдно в этом признаться. Так обычно бывает, когда у мужчины долго нет женщины.

Тусклый свет из камина не позволял разглядеть его лицо. Мэдди не сомневалась в том, что Маккензи хотел как лучше; он думал, что в темноте ей будет комфортнее, но она привыкла наблюдать за братьями нашими меньшими при дневном освещении. С интересом естествоиспытателя Мэдди наблюдала за тем, в каких именно местах и как соединяются их тела и что в результате получается. Возможно, если бы у нее была возможность подобным образом рассмотреть его тело, она бы не так волновалась. А сейчас сердце билось так, словно хотело выпрыгнуть из груди. Как бы там ни было, в темноте Мэдди все равно ничего не разглядит, даже если он разденется, а попросить его зажечь свечи у нее не хватит духу.

Для нее Маккензи был всего лишь тенью, жаркой тенью с низким волнующим баритоном.

– Не бойся, – сказал он, и ладонь его скользнула по ее телу сверху вниз. – Я знаю, о чем ты думаешь. Тебе любопытно, как соединяются тела мужчины и женщины и что они при этом чувствуют. Я могу все тебе показать. Я сделаю так, что тебе будет хорошо. Очень хорошо.

– Не знаю, получится ли у меня.

– Все у тебя получится. Нет ничего проще. Если бы это было трудно, человечество давно бы вымерло.

– Я думаю, вы недооцениваете мою способность создавать сложности там, где их, по мнению других людей, нет. – Мэдлин отодвинулась от него, насколько позволяло место на кровати. – Попытайтесь понять, – сказала она, – вы годами читали мои письма. Вы так много знаете обо мне, а я о вас почти ничего. Я не знаю, откуда вы родом, как вы жили... Для меня вы почти незнакомец.

– Я – твой муж.

– Да, но у нас нет общего прошлого. И у нас нет общих воспоминаний.

Логан пожал плечами.

– Помнишь, как мы встретились в первый раз? Помнишь, как ты упала, приземлившись на задницу? Помнишь, как мы гуляли по взморью и разговаривали о нашей предстоящей свадьбе? Помнишь, как я поцеловал тебя, так крепко, что тебя пробрало до самых печенок?

– Нет, – запальчиво возразила Мэдди, не до печенок. Дело ограничилось мурашками.

Логан обнял ее за талию.

– На этот раз я постараюсь, чтобы пробрало до печенок.

И он наклонился к ней.

Мэдди уперлась ладонью ему в грудь.

– Может, нам все же лучше сначала узнать друг друга?

– Я не вижу смысла в дальнейшей болтовне, – сказал Маккензи. – Мы договорились обойтись без романтических глупостей.

– В этом-то все и дело. Я не хочу никаких романтических глупостей. Я не хочу притворяться. Но когда я закрываю глаза, не вы дотрагиваетесь до меня, а придуманный мной капитан Маккензи. Я знаю, что это плохо, но воображение часто подводит меня. Я склонна принимать желаемое за действительное. Не думаю, что вам понравится, если рядом с вами будет жена, требующая от вас любви и ласки.

– В этом с тобой не поспоришь. Такая жена мне не нужна.

– Я помню, что вы мне сказали насчет любви. Это просто самообман. И потому истинное знание будет самым лучшим противоядием. Как только я вас узнаю лучше, я без труда найду повод, чтобы презирать вас.

– Неужели бесстыдного шантажа было мало?

– Нет, не мало. Так я думала вначале. А потом вы рассказали мне о своих боевых товарищах, и я увидела, как вы преданы им. И сразу прониклась к вам симпатией. Мне нужен новый повод для ненависти к вам, – ответила Мэдди и скрестила ноги.

– Давайте начнем с самого простого, – сказала Мэдди. – Где вы родились?

– К западу отсюда. В деревне Локкэрон.

Мэдди осенила внезапная догадка.

– У вас есть семья, родственники?

– Никого.

– Хорошо. То есть, конечно, для вас это плохо, и я вам глубоко сочувствую, но в нашей ситуации это удобно. Я всем сообщила, что у капитана Маккензи не осталось в живых родственников, и у вас их нет. – Мэдди прикусила губу. – Вы, должно быть, считаете меня эгоисткой, и я действительно иногда ловлю себя на том, что слишком занята собственными проблемами. Но вы и так знаете об этом моем недостатке.

Маккензи кивнул.

– О да. Мне об этом известно.

– Вот видите! Все, как я говорила: вы все знаете о моих недостатках. Вам легко оставаться ко мне безучастным. Но ваши недостатки – тайна для меня.

– Вот вам первый, – сказал Маккензи и, обхватив ее лодыжку, медленно провел пальцем вверх и вниз по щиколотке. – В постели мне нет равных. Проведя со

мною ночь, ни одна женщина даже не посмотрит в сторону другого мужчины.

Мэдди отодвинулась еще немного, подтянув ногу к себе. Теперь она знала, что по крайней мере один серьезный недостаток у него имеется: он был хвастлив.

- Назовите свой самый худший поступок, - сказала Мэдди.

Логан провел рукой по волосам.

- Я начинаю думать, что это была женитьба на тебе.

- Нет, только не это! Не заставляйте меня считать, что у вас есть чувство юмора. Вы набираете очки, а мне этого совсем не хочется.

Логан привлек ее к себе и перевернул на спину, прижав к матрасу.

- Ты даже не представляешь, на что еще я способен, детка.

Мэдди судорожно сглотнула.

- Кто такая А.Д.? - спросила она.

- Что?

- На броши, что вы мне подарили, есть гравировка Л.М. и А.?Д. Кто такая А.Д.?

Глаза его сделались как льдинки.

- Для меня она важности не представляет, - сквозь зубы процедил Логан.

- Но...

Он наклонился и поцеловал Мэдди в шею, и с губ ее против воли сорвался вздох наслаждения.

Логан его слышал, и иного поощрения ему не требовалось.

Руки его заскользили по ее телу не грубо, не настойчиво. Он ничего не требовал, он просто изучал ее формы.

И пока он исследовал ее тело на свой лад, Мэдди тоже кое-чему училась. Для того чтобы иллюстрации получились действительно качественными, надо тщательно изучить тех, кого рисуешь. Надо понимать, как они устроены, каким целям служат отдельные части их тел, как они функционируют. Например, для чего крабу антенна, для чего шелкопряду мундштук.

Мэдди иногда позволяла себе делать зарисовки не только всяких пауков или крабов, но и людей. Руки, глаза... Но сейчас она наблюдала, как движется его кадык, как играют желваки под скулами, как меняется его взгляд...

Мэдди исхитрилась и вывернулась из-под него.

– Простите. Мне, правда, очень жаль. Не поймите меня превратно, я не имею ничего лично против вас, но я... Я все время думаю о крабах и ничего не могу с собой поделать.

Логан опрокинулся навзничь и уставился в потолок.

– А я-то думал, что меня уже ничем нельзя удивить в постели, – протянул он.

Мэдди села, подтянув колени к груди.

– Вы в курсе, что я придумала себе любовника-горца, написала ему целый ворох писем и много лет плела замысловатую паутину лжи. И после этого вы удивляетесь моей странности?

– Да, пожалуй, ты права. Удивляться тут нечему.

– Насчет крабов. У них процесс ухаживания может длиться месяцами. Перед тем как подпустить к себе самца для спаривания, самка краба должна убедиться в том, что партнер не собирается ее съесть. Понять истинные намерения партнера для нее жизненно важно, потому что для спаривания ей необходимо сбросить

панцирь. И самец не считает месяцы, потраченные на ухаживания, пустой тратой времени. Так, если самка краба достойна, чтобы ее обхаживали месяцами, неужели я настолько хуже самки краба? Я просто не могу понять, к чему такая спешка.

– Мы прошли обряд обручения, детка. Мы обменялись клятвами, – со вздохом сказал Маккензи. – И для того чтобы брак стал действительным, нам осталось его консумировать.

Если он хотел завладеть ее вниманием, то ему это вполне удалось.

– Вы хотите сказать, что еще не поздно все вернуть назад?

«Интересный у нее ход мыслей. Очень даже интересный».

– Даже не думай, – сурово сказал Логан. – Позволь мне напомнить тебе о тех причинах, по которым ты не захочешь все отменить.

«Да, – подумала Мэдди. Он прав. Письма у него, и, если он пустит их в ход, ей несдобровать».

Но с другой стороны, еще не все потеряно. Мэдди пришло в голову, что, уговорив его отложить консумацию, она успеет отыскать письма и сжечь их. И вся его власть над ней рассеется, словно дым над костром из писем.

– Ты хочешь общих воспоминаний, так? – спросил Логан.

Мэдди кивнула.

– Помнишь, как в нашу первую брачную ночь я довел тебя до неистовства, как ты стонала и требовала еще и еще?

– Вообще-то, я помню другое. Как мы провели бессонную ночь за разговорами. – И, просто для того чтобы позлить его, она добавила: – И всю ночь мы пролежали в обнимку.

Логан поморщился.

– Я не люблю обниматься.

– Вот и хорошо, – сказала она. – Вы предложили отложить консумацию до утра, если я того пожелаю. Так вот, я ловлю вас на слове. Я не готова сделать это сейчас.

И если ей действительно хочется найти выход из создавшейся ситуации, то готова она не будет никогда. Мэдди выложила в ряд подушки посреди кровати, разделив постель на две половины: его сторону и ее сторону.

– И это должно меня остановить? – насмешливо поинтересовался Маккензи, уставившись на стену из подушек. – У меня свои планы, детка, и я...

Мэдди нырнула под одеяло, придерживая его у самой шеи.

– Странно, как это не пришло в голову Наполеону, – раскатистым баском продолжил капитан Маккензи. – Увидев эту баррикаду из перьев мы, горцы, никогда не осмелились бы...

– Эти подушки здесь не для того, чтобы удержать вас, – сказала Мэдди. – Они тут для того, чтобы предотвратить какую-нибудь случайность.

– Вот как, – протянул он. – Ты не исключаяешь случайных происшествий.

– Вот именно. Ночью я могу случайно перевернуться на другой бок, а я знаю, как вы не любите объятия. Мне бы не хотелось доставлять вам неприятности.

– Хитрая лиса. – Логан сел, взял подушку, что лежала между ними, и сбросил ее на пол. – Вот он – я: твой муж из плоти и крови. Будь я неладен, если уступлю место подушке.

Мэдди затаила дыхание. Какой будет его следующий ход?

– Я буду спать на полу, – сказал капитан Маккензи.

Завернувшись в покрывало, Маккензи устроился на полу перед камином.

Ей бы обрадоваться, но Мэдди не давала покоя мысль о том, что ему будет не слишком удобно спать на жестком полу. Умом Мэдди понимала, что должна сопротивляться подобным импульсам. Она не должна испытывать к нему никаких чувств: ни физического влечения, ни тем более человеческого участия.

– Мы ведь оба взрослые люди и все понимаем, – сказала Мэдди. – Я вас не прогоняю с кровати. Так и быть, никаких баррикад. Я буду спать на своей половине, вы – на своей.

– Я буду спать на полу. Мне так больше нравится.

– Вам больше нравится спать на полу, чем в кровати?

– В настоящий момент, сердце мое, я предпочитаю пол твоей компании. – Ты сказала, что хочешь подождать, – продолжил Логан. – Я бы предпочел думать, что моя честь создает более крепкий барьер, чем баррикада из подушек. Но именно этой ночью я не стал бы подвергать испытанию это убеждение.

Спустя минуту Мэдди сказала:

– Я понимаю.

– Мне все равно, на чем спать. Все первые десять лет своей жизни я спал на полу, и ничего.

– Десять лет вы спали на полу?

– На полу в сарае или на земле на пастбище. До того как викарий приютил меня, я, круглый сирота, был предоставлен самому себе. Вернее, я жил у людей, которые готовы были меня приютить и накормить. А кров и пищу мне давали те, кому нужен был помощник. Я ухаживал за овцами, пас их, был с ними круглые сутки. За это меня кормили овсянкой по утрам и хлебом по вечерам.

О, только не это! Чем больше они общались, тем сложнее было оставаться к нему равнодушной. Что называется, шаг вперед, два шага назад. Заявив, что ему лучше спать на полу, чем с ней, Логан нанес ей оскорбление, пусть и не очень сильное, что с точки зрения задачи, которую Мэдди перед собой поставила, было

хорошо. Но то, что она узнала о его детстве, все разом перечеркнуло. Как могла она заставить себя презирать капитана Маккензи или даже остаться равнодушной к нему, когда воображение уже услужливо рисовало голодного худосочного мальчишку с неопрятной копной рыжевато-каштановых волос, зябко ежащегося от холода и лежавшего, свернувшись калачиком, на покрытой инеем земле?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/tessa-der/brachnye-uzy>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)